

ДВ92 РФ
Р322

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

**РЕВОЛЮЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ**

Выпуск I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

I

Д. С. Бузин (Бич)

Партизанско-повстанческое дви-
жение в низовьях реки Амура

1919—1920 г.г.

Вместо предисловия.

Так называемый «Николаевский инцидент» представляет не только большой исторический интерес, но имеет и крупное практическое значение. «Николаевский инцидент», это — тот козырь, которым играет на всех конференциях (вплоть до Вашингтонской) империалистическая Япония, и при этом играет довольно успешно, до сих пор оккупируя северную половину острова Сахалина, как бы в залог за «нарушение» русскими японских интересов. Поэтому всестороннее, правдивое и глубокое освещение николаевских событий имеет особо важное значение. Местная власть (Трапицунская) понимала всю важность этих событий и поэтому тотчас, вслед за занятием г. Николаевска, создала международную комиссию. Но быстро развивающиеся события не дали возможности этой комиссии закончить свою работу. В дальнейшем ходе событий многие участники и свидетели событий погибли, но многие остались живы. Полагаем, что все, пережившие николаевскую трагедию товарищи и беспартийные граждане, исполнят свой долг и пришлют в Центральный Истпарт все, имеющиеся у них, материалы и заметки, а также свои личные воспоминания, совершенно не стесняясь формой изложения.

Автор настоящей статьи т. Бузин (т. Бич) — один из активных участников николаевских событий. Но т. Бич не был членом центрального ответственного коллектива, стоявшего во главе революционной власти, поэтому его изложение неполно и несколько односторонне. Но, несмотря на свои недочеты, настоящая статья достаточно ярко обрисовывает провокационную работу местного японского военного командования.

Оказавшиеся у власти товарищи сделали ряд тактических ошибок, ибо они были оторваны не только от общего потока революции, но даже и от местного ревштаба, находившегося около города Хабаровска. Эти товарищи за свои ошибки заплатились жизнью (были расстреляны в п. Керби). Но, вероятно, мало кто и не сделал бы тех или иных ошибок в той дьявольски трудной революционной обста-

новке, при полной оторванности и малой подготовке к государственной и дипломатической работе. Николаевские события были первым открытым выступлением шовинистической военной партии Японии накануне организованного выступления по всему краю 4—5 апреля 1920 года. Кто же оказался в этот трагический момент во главе революционной власти? Один из них в самом начале событий пал на поле сражения убитым: это т. Наумов. Об его прошлом пока не удалось собрать сведений. Трое работников расстреляны в п. Керби: Тряпицын, Н. Лебедева и Железин. Из трех ответственных диктаторов только Железин местный житель и коммунист. Тряпицын и Н. Лебедева были командированы в низовья р. Амура хабаровским ревштабом партизанских отрядов. Оба работали в контакте с Р. К. П., но и только. Н. Лебедева принадлежала к амурской группе максималистов, а Тряпицын считал себя анархистом.

По отзыву многих Тряпицын — очень талантливый самородок — военный начальник и недюжинный организатор. Это — молодой человек лет 25; по происхождению петроградский рабочий металлист. Был призван в империалистическую войну на фронт. Тряпицын не офицер, а только унтер-офицер царской армии. На Дальнем Востоке он появился в конце 1918 года, приехав в южное Приморье из Западной Сибири после падения там первой Советской власти. В Приморье принял участие в партизанском движении (Ольгинский уезд) и скоро выдвинулся, как организатор и военный начальник. Хабаровский ревштаб партизанских отрядов, поставив себе задачей поднять повстанческо-партизанское движение в низовьях р. Амура, остановился на своем выборе на Тряпицыне. Тряпицын вышел из Хабаровска с десятком человек. С ним была послана и Н. Лебедева, член ревштаба партотрядов.

Быстро сформировав на месте военный отряд значительной силы, Тряпицын начал отклоняться от точного выполнения директив ревштаба. Это вызвало, еще до взятия партизанами г. Николаевска, поездку в ревштаб Нины Лебедевой и командировку в отряд Тряпицына еще одного члена, т. Бессонова (находящегося в данный момент в г. Москве), со слов которого и записана большая часть публикуемых сведений. Нина Лебедева - Киашко, племянница и приемная дочь бывшего военного губернатора Забайкальской области г. Киашко. Многие забайкальцы помнят ее еще подростком-гимназисткой в Чите. При падении первой Советской власти в конце 1918 года Н. Лебедева находится в г. Благовещенске в качестве члена Амурской группы максималистов. Она принимает активное участие в подпольной революционной работе в полном контакте с Р. К. П. Энергичная, но несколько властная, Нина Лебедева не удержалась

на высоте комиссара при Тряпицыне и в конце событий подняла под его влияние.

Чрезвычайно теплые и горячие отзывы дают о т. Железине даже беспартийные беженцы из г. Николаевска, потерявшие в течение событий и членов своей семьи и все свое имущество.

Т. Железин — коммунист, местный учитель, очень популярный среди местного населения, активный революционный работник с 1917 года и поэтому один из главных строителей в низовьях р. Амура первой Советской власти. В нем не было ни капли ни авантюризма, ни революционного карьеризма. Т. Железин страдал развитой формой туберкулеза и смотрел на себя, как на обреченного. Единственной руководящей идеей т. Железина была польза революции. По природе своей гуманный и очень вдумчивый, при этом легко доступный, т. Железин сперва противодействовал эксцессам Тряпицына, но под конец событий пошел во всех главных действиях вместе с Тряпицыным и Н. Лебедевой.

Повидимому, те ошибки, которые были произведены в николаевских событиях революционной властью, являлись неизбежными, и причина этого заключалась, кроме прямой провокации со стороны японского военного командования, еще и во взаимоотношениях на низовьях р. Амура между русским пролетариатом и русско-японским капиталом.

Значительную часть населения низовьев р. Амура, в особенности г. Николаевска, составляют отбывшие каторгу на Сахалине ссыльно-поселенцы и их потомки. Эта часть населения в низовьях Амура очень быстро подвергается классовой дифференцировке. Немногие счастливицы быстро выходят в среднюю и крупную буржуазию, большинство же бывших уголовных каторжан заполняют собой ряды самых низов наемных рабочих. При занятии в 1905 г. южной части острова Сахалина, японцы вырезали все наличное, неэвакуированное русское население, не щадя ни женщин, ни детей. Эта жестокость японцев, еще задолго до революции, восстанавливала против японцев всех, кто имел какое-либо отношение в прошлом к южной части Сахалина. Я слышал много раз эти рассказы от крестьян Приморья.

В низовьях же р. Амура жажда мести к японцам за избиение русских на южном Сахалине в 1905 г. была, понятно, ярче, так как именно туда направилась большая часть эвакуированного с южного Сахалина населения.

Эту ненависть к японцам подогревала все время жестокая эксплуатация русского труда на рыбалках японским капиталом. Большая часть русских рыболовных фирм были или подставные

лица, или они работали с помощью японских капиталистов. Королем Николаевска на Амуре был старожил японец, по прозвищу «Николай», крупный миллионер. Все власти были куплены рыбопромышленниками, главным образом, японцами. Это было необходимо для хищнического рыболовства, запрещенного по закону: именно для ловли рыбы заездками. Эти заездки загораживали вход рыбы в р. Амур.

Население Приморской и Амурской областей ощущало на своем бюджете почти полное прекращение лова кэты в верховьях Амура и его притоков, но не знало причины этого бедствия. Низовое же Амурское рыбацкое население ясно понимало, что вся беда в растущих из года в год заездах, и винило в этом, кроме подкупленных царских чиновников, тоже и японцев, прежде всего японца «Николая».

А улов кэты — это главный интерес всего населения низовьев р. Амура.

Поэтому февральская революция 1917 года сопровождалась в Николаевске на Амуре с самых первых дней очень резким выявлением классового расслоения, при почти полном отсутствии партийного руководства. Проявления этого классового расслоения были настолько резки, что часть буржуазии и буржуазной интеллигенции начала выезжать из Николаевска еще с первыми пароходами (май — июль 1917 года).

Пресловутые «заездки» были снесены революционной властью еще весной 1917 года. Японцы от этой меры, само собой понятно, потерпели большие убытки. А крестьянское население много выиграло, так как кэта дошла в большом количестве до верхних истоков р. Уссури, под самый хребет Сихоте-Алинь. Эта мера революционной власти 1917 года открыла глаза всему населению, что виновниками бедности населения (отсутствие рыбы) были японцы и их компаньоны из русской буржуазии, да продававшиеся японцам царские чиновники. Там, в глухих углах низовьев Амура, к началу революции уже образовался пороховой погреб классовой и анти-японской ненависти. Японская военная партия, желавшая аннексировать русский Дальний Восток, учла все это, начиная свое авангардное выступление 4—5 апреля 1920 года с Николаевска на Амуре.

Приложенные т. Бузиным документы являются, хотя и не исчерпывающими «Николаевский инцидент», но очень важными и интересными документами.

О. Сомов.

1. Население области.

Прежде, чем говорить о партизанско-повстанческом движении в низовьях р. Амура 1919—1920 г.г., считаю необходимым кратко коснуться тех условий и обстановки, в которых оно возникло и протекло.

Целый край, начиная от г. Хабаровска (почти по прямой) чрез Керби, Чумукан, Охотск, о. Сахалин, Де-Кастри, Императорскую гавань, пережил тяжелые годы хозяйничанья белых банд под покровительством заинтересованных буржуазных государств, главным образом Японии. Здесь в 1920 г. и разыгрались печальные, так называемые, «николаевские события» 12, 13 и 14 марта, а впоследствии и уничтожение города Николаевска.

Огромный край, усеянный горными хребтами (Сихоте-Алинь, Буреинский и др.) и отдельными вершинами, представляет собою дикую лесную, почти необитаемую пустыню, прорезываемую с юга на север нижним течением р. Амура, испещренную сотнями более мелких, но зачастую судоходных рек, речек и озер. Суровый климат с холодными и вьюжными зимами накладывает на всю местность соответствующий характер. Однако, это обстоятельство не мешало человеку проникать в самые северные уголки края, изобилующего нетронутыми еще разнообразными природными богатствами. Здесь много золота, нефтяных и угольных залежей, железных и других руд, ценных лесных пород, пушного зверя, рыбы, дичи и т. д.

Круглый год здесь бродят вдоль и поперек по бесконечной тайге хищники-золотоискатели. В зимний период здесь всюду встречаются инородцы-охотники, промысляющие пушнину, а за ними разезжают на собаках и оленях, жадные к легкой наживе, торгаши разных национальностей, преимущественно китайцы, собирающие богатые меха у доверчивых дикарей за водку, табак, дешевые ткани и разные украшения.

Один за другим возникали прииска в Амгуно-Кербинском, Удыльском, Лимуринском и др. районах. Особенное оживление при-

исковых работ заметно с 1910 г. Кадр рабочих на всех приисках заполнялся пришлым элементом из русских, китайцев и корейцев. Оседлое же население в этих районах (Керби, Веселая Горка и др.) состоит, главным образом, из бывших сахалинских каторжан-поселенцев. В их руках сосредоточена вся торговля на приисках, ими содержатся различные притоны и т. д. В общественной жизни приисковых поселений они имели большое значение. После горной полиции и охраны из казаков — это была вторая сила, на которую опирались хозяева приисков при столкновениях с рабочими массами.

Крестьянское население этого края разбросано, главным образом, по берегам рек Амура, Амгуни, Татарского пролива и Охотского моря.

Климатические условия и малая пригодность почвы для сельскохозяйственных культур не дают возможности развиваться земледелию. Зато крестьяне с успехом занимаются здесь рыболовством, заготовками дров и лесных материалов, охотой на зверя и дичь, а также почтовой гоньбой в зимнее время.

Таким образом, местное крестьянство, по роду своих занятий промышленное, в большинстве своем вполне состоятельное и зажиточное.

В административном отношении население никогда не было слишком придавлено, редко встречая у себя в селах крестьянского начальника или пристава и — еще реже — мирового судью, и пользовалось относительной свободой и даже покровительством краевых властей былых времен.

Медицинская помощь населению организована сравнительно хорошо. Школьное дело было поставлено в лучшие условия, почти каждая небольшая деревушка имела школу, библиотеку и учителя. Во многих селениях имеются почтово-телеграфные отделения. Мужики, особенно молодежь, довольно развиты, отличаются предприимчивостью и сильно развитым национальным самосознанием. Мало религиозные, они все же поддерживали церковь и духовенство, но только потому, что считали их одной из отличительных особенностей русской национальности.

К общественной жизни крестьяне проявляли интерес постольку, поскольку это было им выгодно. Борьба с засильем крупных рыбопромышленников велась всегда дружно и настойчиво, для чего устраивались съезды рыбацкого населения, постановления которых считались обязательными. Здесь находила себе место и мелкая кооперация.

Отношение к революции 1917 года и к новым революционным веяниям было сдержанное; присматривались ко всему, подходили со своей меркой — наибольшей материальной выгоды для себя.

2. Николаевск.

Г. Николаевск — большое село в 1.000 дворов, расположенных в несколько улиц. Постройки преимущественно деревянные.

Типичными представителями городского населения являются рыбопромышленники, золотопромышленники, пароходовладельцы, торговцы-спекулянты, мещане-чиновники и т. д. Рабочих здесь почти нет, если не считать одного или двух десятков грузчиков и столько же бондарей. Правда, в летнее время сюда приезжало много пришлых рыбаков, отдававших свой труд капиталистам-рыбопромышленникам, а осенью, по окончании рыболовного сезона, с последним парходом возвращавшихся в свои родные места с грошевыми заработками.

Напрасно мы стали бы искать здесь людей, преданных революции и сторонников Советской власти.

Власть Советов в 1918 году пришла в Николаевск в форме приказа, и николаевские обыватели, в большинстве своем, мирились с нею, скрепя сердце, до поры до времени.

3. Советская власть в крае.

В дни Советской власти на Дальнем Востоке крестьянско-рыбачье население Амура добилось уничтожения заездок в низовьях Амура и по его лиману, задерживающих ход кэты. Кроме того, советское управление пароходством дало обязательство крестьянам вывозить кэту осеннего засола в города с большими тарифными льготами. Крестьяне никаких налогов в то время не выплачивали, кроме попудного сбора с продаваемой рыбы. В первые дни революции белогвардейцы и вообще противники Советской власти раз'ехались из городов по деревням Амура, неустанно агитировали против существовавшего тогда строя, указывая на то, что никто из соседних держав не признает Советскую власть, что она держится лишь штыками мадьяр, что комиссары доберутся и до деревенских богатых мужиков, отнимут у них скот и все излишки и поделают между босьяками, что все мероприятия «Совдепщины» в пользу крестьян временны, что комиссары впоследствии сумеют содрать за призрач-

ные благодеяния с каждого шкуру и т. д. и т. д. Мужики, понятно, слушали агитаторов, иногда верили, а некоторые вскользь замечали: «поживем — увидим».

4. Интервенция на Дальнем Востоке.

Борьба интервентов с Советской властью в Сибири в 1918 г. началась вооруженными выступлениями чехо-словацких войсковых частей, следовавших через Сибирь на родину. Это выступление было подготовлено и поддержано Японией, Америкой, Францией и другими. На территорию Сибири были введены экспедиционные войска японского и американского правительства. Войска их принимали непосредственное участие в боях против республиканских войск там, где чехо-словаки не выдерживали натиска рабоче-крестьянской Красной армии, как это было на уссурийском и забайкальском фронтах.

На своевременные протесты Дальсовнаркома, против попрания суверенных прав русского народа, японские и другие дипломаты отвечали, что их правительства никаких агрессивных намерений к России не питают, а войска высаживаются на русской территории исключительно в целях охраны порядка и спокойствия.

Когда выяснилось определенно, что Япония и Америка вводят свои экспедиционные войска в Сибирь «для поддержания порядка», и что эти войска открыто стали на сторону белогвардейщины и русской реакции, ведя бои с Красной армией,—5-ый краевой съезд трудящихся, состоявшийся в городе Хабаровске 25—28 августа 1918 г., став лицом к лицу с фактом неизбежной гибели всех революционных завоеваний на Дальнем Востоке и, быть может, гибелью всего края, видя невозможность открытого сопротивления объединенным силам противника, постановил: «...немедленно перейти на партизанский способ ведения войны, впредь до соединения с войсками центральной России».

Русские рабочие и крестьяне оказались настолько сильными и сплоченными единством желанья жить и строить жизнь самостоятельно, что из всех испытаний и жестоких козней врагов вышли полными победителями. А это дает нам право заявить, что за все то, что свершилось в России в период борьбы с интервенцией и белогвардейщиной, отчего пострадали мирные граждане не только русские, но и иностранцы,—должны нести ответственность исключительно интервенты, кои органически были связаны с раздавленной ныне русской контр-революцией.

Через раз'ехавшихся по домам участникам 5-го с'езда трудящихся лозунг партизанской борьбы проник широко в народные массы.

Вскоре власть Советов была свергнута по всей Сибири, и все те, которые считали себя так или иначе связанными с советским строительством и в нем находили единственное спасение, ушли в народные массы. Более активные работники, скрывшись в сопках тайги, начали оттуда организацию партизанского движения в областях Дальнего Востока.

5. Колчак и атамановщина.

Вскоре на сцену выступил контр-адмирал Колчак и с ним большинство бывшего русского генералитета. Сибирь попала в руки Белогвардейцев, спешивших вместе с чехо-словаками к Волге и к Москве. Тыл их охранялся японцами и «отборными атаманами» из низов офицерства—есаулами: Анненковым, Семеновым, Калмыковым, Кузнецовым и др.

Хабаровск был занят бандитом Калмыковым, а также японскими и американскими войсками, являющимися, таким образом, действительными вдохновителями калмыковских зверств и расстрелов сторонников Советской власти, совершаемых калмыковскими опричниками не только в подвалах и вагонах смерти, но и открыто, среди белого дня на улицах города (расстрел в Хабаровском саду музыкантов «Чашки Чая» и т. д.). Правда, эти ужасы так или иначе действовали и на толстокожих янки, что послужило одной из причин их ухода из г. Хабаровска¹⁾. Но японцы не ушли. Они стянули сюда все большие и большие силы, захватили русские казенники, хабаровскую базу, интендантство и все, что им было необходимо. Понятно, что Япония пришла сюда вооруженною до зубов не из побуждений гуманности, а с явным намерением захватить край, или часть его, перетащив к себе все то, что у русских было лежало.

¹⁾ Это мнение т. Бузина совершенно субъективно. Американцы все время и ведут на всем Дальнем Востоке очень тонкую игру в своей борьбе с Японией за экономическое и политическое преобладание. «Культурные» мероприятия, когда это входит в их расчеты, не останавливаются перед жестокостями, точно так же, как и «азнафы» японцы. См. «Дневник Коммуниста»: «Поведение американцев на Сучане».

Ужасы событий конца 1918 и 1919 годов так еще свежи в памяти у всех, что о «деятельности» Калмыкова, этого изверга рода человеческого, говорить слишком тяжело. Достаточно указать на живых свидетелей, чудом спасшихся при расстрелах: т.т. Жданова, Бессонова, Я. Петрова, Луненко и др., а затем на целый ряд уничтоженных деревень, как Синда, Святогорье, часть Ильинки, на разрушение множества отдельных домов бедняков-крестьян, например, в селе Малышевском (Смирнова), в Кн.-Волконке и др., где одновременно с уничтожением имущества расстреливали и хозяев.

Калмыковцы говорили: «Перегрызай горло всякому большевику, а то они тебе перегрызут».

И они грызли, пороли, расстреливали, жгли, уничтожали все, что им казалось революционным.

Такой озлобленности и ненависти к большевикам, какие наблюдались у самого Калмыкова и его банд, я не встречал нигде¹⁾.

«Государственное строительство» Калмыков начал с восстановления старых форм управления. При этом особое внимание обратил он на подбор и усиление кадров охраны (контр-разведки) и полиции. Полицейские и тайные агенты охраны наводнили не только город, но и все села и деревни. Шпионаж и предательство открыто поощрялись. Началась правильная охота по вылавливанию большевиков: грабили семьи бывших комиссаров (в селе Снежном ограблена семья Лехова), пороли жен комиссаров и т. д.

С этого началось «славное возрождение великой России» бело-бандитами, но кончилось слишком бесславно для них...

В кадетском корпусе было открыто особое военное училище «имени Калмыкова», где новое офицерство, при ускоренном курсе, проходило «науки» по возрождению России, обучалось тактике и поведению в экспедициях против крестьян. Словом, готовились усмирять Россию. Бывшие кадеты, а теперь молодые офицеры, воспитывались буквально на крови, участвуя в ежедневных расстрелах, начав с расстрела своих прежних преподавателей Свищева и Попова (8 сентября 1918 г.).

Последовали воспрещения разного рода съездов, собраний, митингов и манифестаций. Общественная жизнь в городе совершенно замерла. Зато спекулянты почувствовали полную свободу и безнаказанно вздували цены на все. Крупные рыбопромышленники по-

¹⁾ Это мнение т. Бузина гоже субъективно. Самыми страшными были семеновские застенки с изощренными, жестокими формами пыток. Особенно страшен был унгернский застенек, которого побаивались даже «семеновцы», так как попасть при налетах Унгерна можно было и случайно. «по ошибке».

лучше возможность восстановить заездки по Амуру. Пароходовладельцы забыли и думать о льготных тарифах для перевозок крестьянских грузов, особенно рыбных, заставляя мужиков-рыболовов продавать им рыбу за бесценок.

В довершение всего этого Калмыков объявил мобилизацию сначала городской интеллигенции (будущий кадр «возрождающейся армии»), а затем и деревенской молодежи.

6. Японцы хозяйничают.

Японцы втайне радовались посеянной среди русских вражде и всячески ее углубляли. По городам и селам распространялись японские декларации, что войска их введены в Россию из чувства человеколюбия, что у них нет завоевательных намерений, что они спасают чехо-словаков и бескорыстно помогают восстановлению России и что, наконец, они совершенно нейтральны в борьбе партий, и только безусловно не допустят вооруженных столкновений между партиями. И это делалось в то время, когда особенно резко бросалась в глаза японская помощь русской контр-революции в борьбе с революцией.

Военно-топографический отдел штаба японских экспедиционных войск, получив возможность чрез белых ознакомиться с нашими военными картами и планами всего Дальнего Востока и его крепостей, сам приступил к производству с'юмок. Немедленно были разосланы по Дальнему Востоку военно-топографические партии. Попали они и во все села Амура. За одной из таких партий я наблюдал летом 1919 года в селе Нижне-Тамбовском, где она работала под усиленной охраной своих солдат, производя военные с'юмки как реки Амура в этом районе, так и прилегающих к реке местностей. При этом к составляемой карте прилагались подробные описания характера местности, ее флоры и фауны, всех особенностей времен года, количества населения, его национального состава, рода занятий, системы жилых построек, количества материальных ценностей, средств передвижения, водоснабжения и т. д. Офицер охраны однажды, вынув острую шашку и показывая ее русским собеседникам, рассказывал, как он рубил ее «борсука» ¹⁾ (большевиков) в переяславском и святогорском

1) «Борсука», т.е. «барсука». В японских народных сказках, чрезвычайно жестоких по своему содержанию, «барсук»—обыденно действующее, сказочное существо, такое, как в наших сказках: «Баба Яга», «Змей Горин

районах, когда там была их экспедиция в начале лета 1919 года, вместе с калмыковцами.

Интересовались японцы и нуждами населения, обещая удовлетворить их в недалеком будущем. Вообще старались казаться «добрыми хозяевами», неустанно агитируя против большевиков, отождествляя их с китайскими хунхузами. Но обещания их так и остались обещаниями. Время шло, а действительные события раскрывали русским крестьянам подлинные японские намерения.

В экспедициях по русским селам японцы отличались особенной бесцеремонностью. Заходя в деревни, японские солдаты зачастую говорили: «наша хозяйина, тебе молчи», и, приставляя штык к груди сопротивляющихся, забирали любое количество необходимых им продуктов, главным образом, кур, яиц, молока. Японское офицерство требовало, чтобы русские крестьяне снимали перед ними шапки и кланялись при встречах (был даже курьезный приказ на этот счет японского командования, развешанный по станциям и селениям Спасского района). Под построй своих штабов и для солдат, японцы всегда занимали лучшие в селах дома, школьные и другие общественные здания, где обычно после их ухода нельзя было найти в целости ни школьных библиотек, ни приборов физических кабинетов, ни коллекций, да и здания настолько загаживались и разрушались, что без капитального ремонта они были непригодны к жилью (школа села Бельцова, больница в с. Яковлевке и т. д.). Говорили, что японцы пристают к женщинам с гнусными предложениями (в с. Верхне-Тамбовском) и даже насилуют ¹⁾.

нич», «Кашей бессмертный» и т. д. «Барсук», это — олицетворение зла и хитрости. В «барсуков» оборачиваются все злодеи и хитрые преступники. Поэтому японские сказочные герои и мудрецы постоянно разоблачают оборотней — барсуков и нещадно их истребляют. В 1906 г. были изданы в переводе на русский язык «Японские сказки», кажется, фирмой Вольф.

О. С.

¹⁾ Село Бельцово и с. Яковлевка находятся в верховьях р. Уссури, в южном Приморье, т.-е. вне описываемого района.

Богатый материал о бесчинствах японских войск находится в делах Русско-Японской Согласительной Комиссии. Попытка обработать этот материал имеется в отчете товмицдела Д.-В. Р. т. Кожевникова Наркоминделу Р. С. Ф. С. Р. от мая 1921 года.

Японские солдаты очень страстны, и русские женщины на них производили большое впечатление. Были случаи изнасилования. «Гнусные предложения» производились широко во всем крае, в крайне наивной форме: солдаты обнажали свои половые органы и, показывая их, делали свои «гнусные предложения».

О. С.

7. Начало партизанского движения.

Из Амурской и Приморской областей шли вести о развивающемся там партизанском движении; о том, что по мобилизациям там никто почти не идет к белым, и что белые, обескураженные неудачами на главном уральско-волжском фронте и партизанскими движениями в тылу, применяют террор во-всю, наводняя области экспедициями, жгут села и деревни, расстреливают стариков, женщин и детей (в селе Ивановском, Амурской обл.). К арестованным применяют самые ужасные пытки.

Сведения эти передавались из уст в уста по всем городам и селениям и наэлектризовывали народные массы, будили в них желание мести палачам и тем, кто их так или иначе поддерживал.

Уже весной 1919 года тайга и сопки Хабаровского района огласились призывом к вооруженному сопротивлению. По Амуру появились партизаны.

Многие из нас, вместо калмыковской мобилизации, пошли в сопки, пошли к тем, кто звал к восстанию против белых банд и японцев.

8. Экспедиции белых и японцев.

Калмыков из Хабаровска ответил на это карательными экспедициями с вновь обученным для этой цели командным составом во главе. И пошли гулять белые банды, вместе с японцами, по крестьянским селениям, расположенным в бассейнах рек: Хора, Кии, Обора, по Амуру и другим местам. Полковник *Медведев* из Николаевска тоже выслал такие же экспедиции по р. Амгуни и вверх по Амуру, на прииска и в села. «Государственно-мыслящие» возродители России всерьез начали «пулей и нагайкой народ усмирять». Расстреливали публично почти по всем деревням неугодных им людей. Большевик — это смертник тех печальной памяти времен. Поймав большевика, ему связывали назад руки и за конец веревки заводили на расстрел. Белобандиты часто в экспедициях прибегали к хитрости: так, прикидываясь партизанами, они скоро узнавали в том или ином селе, кто сочувствует или помогает партизанам, убивали их и тут же производили над ними экзекуции (в с. Вознесенском таким образом пострадал старик *Пастухов*) под руководством офицеров; иногда только грабили ценное из имущества, а остальное вместе с домом сжигали.

Больше всех, конечно, доставалось сельской интеллигенции — учителям и наиболее развитым и сознательным мужикам. Гибли они по самым ничтожным поводам (Новиков — в Екатеринославке, Карань — в Переяславке, Смирнов — в Троицком и т. д.). Словом, систематически уничтожался сознательный элемент. Слово «борсук» стало роковым; достаточно было показать, что вот это «борсук», как японцы его хватали, и человек зачастую бесследно исчезал.

Я не берусь перечислить синодик погибших русских граждан от рук белых банд и японцев; ибо это слишком большой труд. Нужны года для того, чтобы точно установить, сколько и кто именно из граждан был уничтожен интервентами и бесновавшимися при них белогвардейцами. В этой статье я стремлюсь только точнее охарактеризовать общую картину положения того времени и привожу лишь отдельные факты в целях иллюстрации.

Погиб в Хабаровске от рук Калмыкова т. *Шеронин*, убили *Ф. К. Рийк*¹⁾ (хозяина аптеки «Рийк и К-о»), предварительно его ограбив, и др. Наконец, калмыковцы ловят уважаемого населением учителя Сергея Щепетнова (Бич) и живым спускают его под лед на Бешеной протоке (в убийстве участвовали *Амиров*, *Абаза* и др.). Расстреливают доктора Криворучко²⁾ с девятью другими товарищами и т. д., и т. д.

Партизаны решили действовать, пока что, налетами и экспроприациями, всегда объясняя тот или иной поступок, как ответ на зверства калмыковцев, иногда вступая в переговоры с самим Калмыковым. Так, летом 1919 г., велись переговоры по делу захвата пар-

1) *Рийк* — хабаровский старожил-буржуа. Во время империалистической войны обвинялся в сочувствии и содействии побегу военнопленных германцев, но царской властью по бездоказанности доноса был оправдан. При захвате властей белыми с ним свели личные счеты его враги, как с «германским шпионом».

2) Тов. д-р Криворучко, член партии Р. К. П., активный работник 1917 года на острове Сахалине и в г. Хабаровске. Участник разгона в декабре 1917 г. «Земской Краевой Власти». После падения первой Советской власти скрылся из г. Хабаровска, но не мог выехать с Дальнего Востока. Поэтому был призван Колчаком по мобилизации и отправлен на службу в Хабаровск. Расправиться открыто с этим большевиком Калмыков считал, видимо, неудобным. Тов. Криворучко был арестован Калмыковым вместе с рядом других лиц, как заложник, когда к партизанам в плен попался один из видных калмыковских контр-разведчиков. После того, как партизаны расстреляли пойманного контр-разведчика, Калмыков расстрелял в числе заложников и д-ра Криворучко. Но несомненно, что Калмыков уничтожил бы т. Криворучко под тем или иным предлогом, если бы даже партизаны и выпустили захваченного контр-разведчика.

полковника Гроссевича, но безрезультатно, так как Калманов не согласился выполнить предлагаемые партизанами условия. Представителем от партизан ездил в Хабаровск т. Волков, которого калмановцы не тронули.

Население, возмущенное зверствами бело-японцев, стало не только симпатизировать партизанам, но и определенно становилось на их сторону и помогало им материально.

В партизанских рядах появляются оставшиеся живыми после расстрела белобандитов, которые информируют нас и крестьян о творящихся жестокостях в подвалах контр-разведки и вагонах смерти...

9. В Сахалинской области.

Город Николаевск еще 8-го сентября 1918 г. был занят японскими войсками. Американцев там не было ¹⁾ Власть сахалинского областного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов была свергнута, и на сцену выступили городская дума и областное земство. Повсюду реяли японские национальные флаги. В городе и области начались обыски, аресты, пытки и т. д. Только богачи, офицеры и чиновная знать праздновали свою победу (то же самое было и в городе Хабаровске).

Скрывавшиеся по селам белые, бывшие офицеры, хлынули в города, давая точные сведения, какие села настроены большевистски, кого необходимо «убрать» и на кого можно положиться. По селам появились полицейские рядовые крючки и участковые пристава в таком изобилии, что даже в дореволюционное время их было далеко меньше. Чины старались выслуживаться и, вместе с вылавливанием большевиков, отбирали у крестьян-охотников винтовки и другое оружие, преследуя недовольных новыми «порядками», сводя зачастую личные счёты.

Прошли три карательных экспедиции, при чем несколько человек было расстреляно на Лимуринских и других приисках, а в селе Иннокентьевском пороли не только мужчин, но и женщин. В деревне Славянке арестованных пороли, присыпая раны солью и ставя их босыми ногами на горячие паровые котлы, а затем расстреливали.

¹⁾ Столь раннее занятие японскими войсками г. Николаевска объясняется крупными интересами японского капитала и нарушении его интересов: уничтожением «заездок».

В городе Николаевске японцы заняли под постройку здание Совдепа и все лучшие дома. Захватили крепость Чныррах (в 12-ти верстах от Николаевска) и все бывшие там ценные предметы обороны. При их хозяйничаньи исчезла весьма ценная мраморная доска минной станции. Они чувствовали себя завоевателями, но поступали, как воры, разграбляя крепость обычно по ночам (что известно крестьянам с.с. Вассэ и Красное, близ Чнырраха). Нетронутыми были только две радио-станции, из которых военную они даже усилили, при чем деревянные мачты были заменены чугунными. По этому поводу капитан *Мургабов* имел следующую беседу с японским переводчиком *Накамурой* в 1919 году летом:

Мургабов. Скажите, скоро ли японское войска будут выведены из пределов России? Ведь порядок у нас почти образцовый!..

Накамура. Очень скоро, очень скоро! Порядок почти установился. Мы скоро уйдем.

Мургабов. А для чего, в таком случае, ваше командование ставит чугунные мачты на военной радио-станции?

Накамура. Я очень, очень удивляюсь, г. капитан, вашей, так сказать, наивности. Зачем чугунные мачты? Да затем, чтобы они не сгнили, пока здесь находятся наши войска (и японец ехидно захихикал).

(Впоследствии радио японцами было сожжено, а мачты взорваны *Триптициным* при отступлении из Николаевска).

10. Крестьянские настроения.

Крестьяне терпели всякого рода притеснения и чувствовали бесправность своего положения; в то же время они слышали, что в других областях хотя и не лучше, но там обижаемые трудящиеся ведут вооруженную борьбу против захватчиков власти—с оружием в руках защищают свою независимость.

Такое положение, естественно, нервировало низовое население. Однако нужно отметить, что в то время, когда в Амурской и Приморской областях давно уже велась героическая схватка крестьян и рабочих с японо-американскими белогвардейскими отрядами, в Сахалинской области все еще не решались взяться за оружие. Но атмосфера постепенно насыщалась. Движение против интервенции росло медленно, но верно и впоследствии беспощадно смело все контр-революционные преграды и все то, что происходило от интервенции. Повстанческая борьба и здесь, конечно, началась с партизан.

11. Партизанское движение.

Итак, по всему краю бродили небольшие партизанские отряды, состоявшие из местных революционеров, бывших красногвардейцев, рабочих и т. д. К ним постепенно присоединялись и все те, кто не хотел и не мог мириться с произволом интервенции, кто стремился добиться свободы для родного народа.

В тайгу приходили вести об усиливающихся зверствах белых и японцев над арестованными, об избиении на Амурском мосту, на Березовской заимке, о массовых расстрелах японскими войсками крестьян и детей. Плач и вопли осиротелых и вконец разоренных мужиков толкали партизан на путь беспощадной борьбы и отмщения виновникам - интервентам.

«Долой интервенцию и белобандитов!» — «Да здравствует Советская власть!» — покатилося, как желанное эхо, как победный клич, по всем деревням и дербям тайги.

Сначала почти невооруженные добровольцы-партизаны, движимые только силой веры в правоту своего дела, шли на врагов через села и деревни, где крестьяне встречали их, как давно желанных защитников трудовой власти и мстителей за бедствия и страдания, причиненные им контр-революционерами и интервентами. Боевые группы партизан стали появляться не только в селах, но проникать и в города, просачиваться в мобилизуемую белогвардейцами армию, с целью раскрыть глаза солдатам на истинное положение вещей. Партизаны ставили своей целью защищаться, нападая на белых, и вести самую активную борьбу с гнетом интервенции, как началом всех бед, во имя освобождения края.

Нанося определенный вред противнику в его глубоком тылу, мы понимали, что этим самым оказываем помощь Красной армии, сражавшейся на Урале.

Чем больше свирепствовала реакция и чем больше помогали ей японцы, тем быстрее росли и крепились ряды вольных партизан-повстанцев, главным образом, из крестьянской среды. Повстанцы, пришедшие в отряды из сожженных сел и деревень, внесли новый, так сказать, организационный лозунг: «Кто не с нами, тот против нас».

Так была подготовлена почва к повстанческому движению в Сахалинской области, включая сюда и Хабаровский уезд.

Более организованный вид борьбы партизанское движение в Хабаровском и Николаевском районах получило после конференции представителей партотрядов, революционных крестьян и город-

ских тайных организаций, состоявшейся 2 ноября 1919 г. в селе Анастасьевском, Хабаровского уезда. На конференции был создан военно-революционный штаб партотрядов и революционных организаций Хабаровского и Николаевского районов в составе Павлова-Бойко, Бессонова, Холодилова, Жукова, Попко, Нины Лебедевой и др.¹⁾

Решено было путем агитации поднять массовое восстание против белых и интервентов, нанося удар в первое время по линии наименьшего сопротивления.

Отряд № 4, под командой Я. Тряпицына, после калмыковской экспедиции в ноябре 1919 года по р. Обору и до села Вятского, стал спускаться вниз по реке Амуру.

На призыв борьбы против интервенции и белых все крестьянство откликнулось, как один. Кто имел винтовку и мог быть бойцом, тот вступал в отряды; другие работали по восстановлению Советской власти на местах, по организации снабжения и укрепления тыловых баз и т. д. Действительно, вскоре открылся фронт в сторону Николаевска, а затем и Хабаровска.

Под Циммермановкой, 26 октября 1919 года, первый раз партизаны-повстанцы нашего района, под моим руководством, приняли

1) О Н. Лебедевой уже сказано выше. Т. Бойко-Павлов—украинец, рабочий-металлист. В революции 1905—1906 г.г. принимал активное участие на Украине и на Кавказе. 1917 г. застал его в г. Хабаровске рабочим арсенала. Он вступил в Р. К. П. и явился одним из самых популярных вождей партдвижения. Талантливый организатор вообще и организатор снабжения партотрядов через тасжные базы снабжения, в частности. Член Учредительного Собрания Д.-В.-Р. в нашей крестьянской фракции большинства. Организатор партизанского движения в зимнюю кампанию 1921—1922 г.г., в тылу белогвардейского отряда ген. Молчанова. В данное время студент читинского рабфака. Тов. Бессонов—б. чиновник переселенческого ведомства из крестьян Западной Сибири. Принимал участие в революции 1905—1906 г.г. В 1918 г. вступил в Р. К. П. из левых соц.-рев. При падении первой Советской власти был захвачен Калмыковым, расстрелян и похоронен. Недострелянный очнулся в плохо засыпанной могиле, откуда, придя в сознание, вылез и скрылся из г. Хабаровска. При постройке буфера Д.-В. Республики был министром земледелия и товмином народного хозяйства. В данный момент находится в г. Москве членом правления одного из синдикатов. Холодилов—местный крестьянин, коммунист, случайно убит под г. Хабаровском (уголовное убийство). Жуков—местный крестьянин, сочувствующий коммунистам. Попко—сельский учитель из крестьян Белоруссии. Принимал активное участие в партработе южного Приморья с 1917 года, как член Р. К. П. Сотрудник т. Бойко-Павлова по организации партдвижения в 1921—1922 г.г. в тылу каппелевцев и исполнитель партизанского набега на г. Хабаровск—главную ставку белых. В данное время в г. Чите. Все члены ревштаба в возрасте 30—35 лет, за небольшим исключением,—рабочие и крестьяне.

бой с белыми, разгромили отряд поручика Токарева, отняв у него два пулемета, много винтовок, патронов и пленных. —

Вскоре после этого, 8 января 1920 г., батальон белых в селе Мариинском перешел на нашу сторону, при чем все офицеры с частью неисправимых контр-революционеров из чиновников, ушли в Де-Кастри, несмотря на то, что Тряпицын лично на переговорах предупреждал полк, Вице и комсостав батальона, что если они не перейдут на нашу сторону сейчас же, вместе с батальоном, то впоследствии, когда они попадут партизанам в руки во второй раз, говорить о пощаде не придется. —

В начале марта 1920 года полк. Вице вызвал Тряпицына к проводу с де-кастринского маяка и сам поднял вопрос об условиях сдачи в плен. Чем кончился разговор — мне неизвестно, но вскоре Вице заявил своим подчиненным, что он разрешает им сдаваться в плен, но прежде они должны похоронить его. Вице покончил самоубийством, оставив на имя Тряпицына письмо, в котором, между прочим, писал, что офицерская молодежь (Тряпицын был тоже офицер) превзошла стариков-учителей в деле войны, и завещал ему свой револьвер и золотые часы. —

На второй день, после похорон полк. Вице, остатки его группы, человек 30, сдались в плен, но вскоре были расстреляны, благодаря тому, что в ночь на 12 марта в Николаевске было произведено японцами предательское выступление («Варфоломеевская ночь»), почему добровольческий отряд крестьян и инородцев-гольдов поспешил на помощь русским партизанам, предварительно расправившись с пленными белыми (причины расстрела белых впоследствии точно не были выяснены).

Николаевск перешел в руки повстанцев при следующих обстоятельствах.

В Мариинске наши повстанческие отряды так выросли, что явилась возможность создать два полка, т.е. начать правильную военную организацию. Первым полком командовал некоторое время т. Наумов (б. штабс-капитан из Иркутска, впоследствии нач. штаба партиотрядов Николаевского района. Убит японцами 12 марта 1920 г., во время японского выступления около штаба), а вторым я, под фамилией Бича, принятой мною в память погибшего от рук белых т. С. Щепетнова.

Повстанческое движение захватило буквально все селения низовьев Амура, передалось на остров Сахалин, в Охотск, на Камчатку и в Анадырь.

Борьба настолько была популярна среди местного населения, что к нам шли не только инородцы, но и русское духовенство; так —

мариинские священник и дьякон поступили в 1 полк простыми бойцами.

Стремление повстанцев к борьбе и победе было так велико, что сдерживать этот порыв и создавать какие-либо рамки не было почти никакой возможности. Настроение каждого повстанца того времени удачно охарактеризовано т. *Наумовым*: «Я хочу, и нет мне преграды! Благоразумие? Перемирие? Нет! Ты предатель, и тебе не место среди нас!»

Даже естественная медлительность военных операций, вызываемая необходимостью, нервировала повстанцев. Мне не раз приходилось слышать от них: «Чего ждать? Вон предателей японцев, и чем скорее это сделаем, тем будет лучше! Мы хозяева этого края».

Связь с центрами Советской России отсутствовала, директив никаких не было. Мы шли, боролись и умирали потому, что иначе было нельзя.

Из Мариинска нами была послана телеграмма в Николаевск на имя нач. гарнизона полк. *Медведева* с предложением прекратить расстрелы содержащихся в тюрьме политических заключенных, при чем были указаны даже фамилии некоторых. Из Богородска по телеграфу мы предложили начать с нами переговоры о сдаче г. Николаевска повстанческому населению области, организовавшему Красную армию из партизанских отрядов, и безболезненной передаче власти в руки Советов. Но Медведев даже не ответил, отказавшись по телефону, через Токарева из Денисовки, дать квитанцию в приеме телеграммы.—

Необходимо указать на то, что повстанцы всегда требовали о всех действиях и распоряжениях военревштаба широко информировать население через особых лиц, присылаемых в штабы для связи. Непосредственный (прямой) контроль повстанцев над выборным командным составом в отрядах считался лучшей формой взаимоотношений командиров с подчиненными. Это не могло, конечно, не влиять на решения и действия ответственных работников. Стихийность движения, быстрый рост его, отсутствие связи с центром и необходимость участия в происходящей борьбе ставили руководителей, выброшенных на верх революционным подъемом из окружающей среды, в тяжелое положение. Таким образом, кто более импонировал массам повстанцев, тот естественно держался долго в верхах движения.

12. Боевые столкновения повстанцев с японцами.

Около Денисовки было первое столкновение наших лыжников с японской разведкой. Японцы первые открыли огонь по нашим

повстанцам, при чем с нашей стороны один был убит и один ранен, а со стороны японцев—убито два. Японцы бежали, бросив трупы на дороге.

14 или 15 января 1920 г. нами была занята д. Касьяновка, а японцы, в количестве 250 человек и 75 белых, при восьми пулеметах, занимали Какинскую бухту, в 4-х верстах от Касьяновки.

Лыжники, одевшись в белые халаты, под командой Фомина и Лапты (два отряда), сопками обошли бухту и остановились на рыбалках № 11 и 12. Пользуясь близостью дороги к берегу, лыжники захватывали как одиночек, так и целые обозы противника. Здесь же был взят в плен и один офицер¹⁾ с письмами и секретными приказами. Затем было захвачено несколько контр-разведчиков вместе с известным Кухтериным, последний был тяжело ранен. Вблизи кабельного домика были взяты японец с женой и отправлены дальше в тыл. Какинская группа противника в течение двух суток не имела связи с городом. Отряд тов. Фомина занял в тылу противника остров и рыбалку на нем. Охватив фланги и устроив засаду по пути возможного отступления противника, мы стали выжидать. Но утром 17 января японцы заметили переход одного батальона 1 полка через Амур на противоположный берег и, поняв, что они могут быть окружены, стали отступать, направляясь серединой Амура, по целому снегу (так как накануне бывшим бураном все дороги были занесены).

Наши отряды преследовали отступающих. На помощь из города вышел отряд японцев во главе с командующим японским экспедиционными войсками в Николаевске майором Исикавой, с одним трехдюймовым орудием, который занял было кабельный домик. Но, столкнувшись с «мятежниками», он едва не попал в плен, при чем орудие было захвачено нами, но без снарядов и замка.

Засада красных встретила отступающих японцев залповым огнем. Японцы растерялись и в панике, бросая оружие, снимая с себя шубы, теплую обувь и шапки, протокой прорвались в Николаевск. Таким образом японцы были загнаны в город и крепость Чныррах. В течение двух суток была произведена перегруппировка сил. Штаб красных находился в кабельном домике. Первый полк занял деревню Личи, а второй— весь правый берег Амура от Касьяновки и до рыбалки № 5. На третьи сутки, около 12 часов дня, были получены сведения, что в городе идет ружейная перестрелка. Было решено воспользоваться этим, и отряд кавалерии

¹⁾ Смоленский который впоследствии заведывал прожекторной станцией в крепости Чныррах, но при эвакуации Николаевска уехал во Владивосток к белым.

выехал вперед. Конный раз'езд с красным знаменем быстро достиг телеграфной пристани, но был встречен ружейным огнем белых и японцев, а цепи под командой Бича были обстреляны артиллерийским огнем из центра города. Пришлось отступить.—

Впоследствии выяснилось, что стрельбу в городе производили белые, расстреливая арестованных советских работников: Слепова, Жердева, Курова и др.

Чувствуя себя достаточно сильными и не желая нести напрасные жертвы, мы решили еще раз предложить белым и японцам начать с нами переговоры. Штаб фронта назначил парламентаря т. Орлова (Сучанский партизан, бывший почтово-телеграфный чиновник), приняв следующий план приглашения бело-японцев на переговоры:

В 8 часов утра 27 января 1920 года высылаются парламентарь Орлов в город Николаевск с японцем, взятым близ кабельного домика. Парламентарь вручает пакеты от Красного штаба русско-японскому командованию, городской думе и китайскому консулу с предложением начать мирные переговоры (см. приложение № 1), и затем к 12 часам дня, т. Орлов должен вернуться к белому флагу, поставленному им же при в'езде в город на расстоянии полуверсты от города. Японец же должен был информировать японо-русское командование, в каком положении находятся военнопленные у красных. Как в нашем официальном отношении, так и посылаемому японцу, хорошо владевшему русским языком, было сказано, что за невозвращение парламентаря в тот же день к 12 часам, все пленные будут расстреляны, как заложники. Затем к 12 часам этого же дня к белому флагу должны выехать еще два представителя Красного штаба с полномочиями о заключении временного перемирия и назначении срока встречи мирной делегации.

С наступлением восьми часов утра т. Орлов и японец на паре почтовых, с ямщиком *Сорокиным* (Касьяновский крестьянин) выехали в Николаевск, намереваясь вернуться к белому флагу в назначенный час с необходимыми представителями для встречи с нашими, или же одному, если японцы не пожелают начать мирные переговоры.

Но не суждено было т.т. Орлову и Сорокину снова возвратиться к своим: они были зверски замучены и убиты белогвардейцами... Так «культурные» японцы допускали расправляться с парламентарями, жизнь и безопасность которых узаконена длинным рядом веков в истории человечества. Интервенция на Дальнем Востоке полна ужаснейших зверств и грубых нарушений белыми и интервентами международных обычаев в расчете, повидимому, на то, что с победой белых или после оккупации края все вопиющие

зверства и нарушения международного права удастся скрыть от истории.

Все же, не подозревая вероломно жестокой расправы с т. Орловым, уполномоченные Красного штаба: я, Гончаров и Покровский (Черный), без оружия, имея при себе лишь бинокли и необходимые бумаги, выехали в срок к указанному выше месту. При выезде я взял с собой кавалериста т. Бровченко, который на личном расстоянии от флага близ острова, покрытого кустарником, остановился, ожидая возвращения своей делегации. После получасового напрасного ожидания своего парламентаря, мы написали новое отношение к русско-японскому командованию приблизительно следующего содержания: «Ввиду того, что мы считаем, что срок, данный Орлову для возвращения в штаб и русско-японскому командованию для решения вопроса о заключении перемирия, недостаточен, мы просим сообщить нам через парламентаря Орлова результаты своего решения по вопросам, затронутым в отношении Красного штаба, но не позднее шести часов вечера сегодня 27 января 1920 года». Около часу дня делегация заметила, что из города от телеграфной пристани к Амуру следовали две подводы, с верховым позади. Мы решили, что едет Орлов с представителями, так как издали все едущие казались не вооруженными. Не доезжая 10 шагов до флага, подводы остановились. Люди, лежавшие в санях, оказались японскими солдатами, которые быстро вскочили с саней, взяв винтовки наперевес. Японец, сидевший верхом на кляче, что-то скомандовал, и солдаты подошли ближе к нам. Верховой оказался офицером. Я заявил, что перед ними — мирная делегация красных, и что я требую, чтобы японские солдаты стояли смирно. — Офицер отдал соответствующую команду. Тогда я предложил взаимно предъявить письменные полномочия. Японец таких не имел и на мои вопросы: кто он, кем и зачем послан, где Орлов, — давал лаконические ответы, предлагая нам проследовать в город. Выяснилось, что Орлов находится в городе, в японском штабе, что он якобы не отвечает на задаваемые вопросы, ввиду чего и задерживается ответ, что штаб ему (японскому офицеру) ничего не поручал и что ему в сущности ничего не известно, ибо Орлова он лично не видел, а только слышал о нем. Выехал же сюда, как начальник охраны западной части города лишь потому, что заметил две подводы и несколько человек партизан, осматривавших город в бинокли. Пока переводчик переводил слова офицера, последний усиленно рассматривал нашего кавалериста Бровченко, наблюдавшего за нами и, заключив, что там имеется засада, не решился прибегнуть к насилию. Разговоры прекратились. Я показал свой

мандат переводчику и передал офицеру написанное нами, упомянутое выше, отношение. Последний, любезно пожав всем руки, раскланялся и уехал восвояси.

К вечеру того же дня я, Гончаров и Деулин (вместо отказавшегося Покровского) вновь выехали к флагу, но по дороге заметили, что японцы зажгли рыбалку, находившуюся на острове между нашей и японской линией фронта, в версте от города. Мы поняли, что это был ответ на наше предложение. Орлов не возвращался. Красные еще раз убедились, что переговоров с белыми и японцами не может быть никаких.

С этого момента началось нами окружение города и крепости, восстановление связи с населением ниже Николаевска, объединение мелких отрядов, действовавших неорганизованно в Амгуно-Кербинском районе под командой Будрина и Павличенко, а также мобилизовавшихся крестьян побережья, лимана и о. Сахалина. К этому времени из Нижне-Тамбовска приехали два члена ревштаба, Бессонов и Нина Лебедева, для разрешения на месте некоторых организационных вопросов, тем более, что срок полномочий военревштаба оканчивался к 1 февраля 1920 года.

Тряпицын решил взять город приступом и созвал по этому поводу командиров полков и отдельных частей на совещание в кафельном домике. Мною было внесено предложение—занять прежде крепость Чныррах, что в 12 верстах от г. Николаевска, а затем заставить сдать и город. Предложение было принято, и мне же поручено было выполнить это в самый кратчайший срок. Со стороны Личи начались усиленные демонстрации первым полком, под командой Коцубы и Комарова, и со стороны Амура—вторым полком, под командой Шери. Японцы же систематически стали производить нападения на наши отдельные части, расположенные против города на правом берегу Амура, при чем, выбив ту или иную заставу из занимаемых рыбалок (№№ 2, 3, 4, 5 и 6), таковые поджигали. Кроме того, с улиц города японцы периодически обстреливали наше расположение артиллерийским огнем.

После усиленной разведывательной работы, во время трехдневного сильного бурана, мы заняли форты крепости частями лыжников, первого Сахалинского полка повстанцев, отрядом артиллеристов и инженерной ротой, приведя в действие два орудия «Виккерса» и две 57-миллиметровых пушки. При столкновениях с японцами, у нас оказался один убитым и двое ранеными. Японцы решили выбить нас и повели наступление по дорогам, но, потеснив одну нашу заставу, к вечеру 10 февраля, остановились. На следующий день в 8 часов утра, под прикрытием артиллерийского

огня наши пехотные части перешли в решительное наступление и заняли часть крепостных казарм, вместе с правительственной радио-станцией, при чем японцы, после усиленной перестрелки, отступили к своим казармам и военной радио-станции. В 2 часа дня мною был получен через одного русского дряхлого старика-сторожа (фамилию его теперь не помню) пакет от японского коменданта крепости Чныррах, с копией декларации генерала Си-рамидзу от 4 февраля 1920 года на русском языке и особым заявлением, что японцы, во исполнение сей декларации, не намерены больше вести с нами борьбу, соблюдая нейтралитет по отношению к борьбе партий, но не допустят вооруженных столкновений, почему предлагают прекратить обстрел японского расположения. Я немедленно сообщил по телефону в штаб фронта содержание японского отношения и текста декларации, прекратив дальнейшие боевые действия. В крепость срочно прибыл Тряпицын, и мы с трудом уговорили присланного к нам старика возвратиться обратно к японцам с нашим новым письменным предложением войти с нами в переговоры по затронутым декларацией вопросам; ведь до сих пор мы видели, что японские войска в Николаевске принимают активное участие в борьбе с нами, выступая рука об руку с белыми (копия этого отношения у меня не сохранилась, но на Керби возможно, что она есть).

Вместо ответа, вечером того же дня, японцы одновременно подожгли военную радио-станцию, механическую мастерскую и казармы, а сами, под покровом ночной темноты, выбрались на Амур и по льду отступили в гор. Николаевск. Наши части подошли к подожженным и покинутым японцами зданиям крепости и приняла меры к тушению пожара, насколько это было возможно. Рано утром 12 февраля мы слышали ружейную стрельбу около самого города. Впоследствии оказалось, что это одна из сторожевых застав белых встретила огнем подходивших к городу отступающих из крепости японцев, приняв их за красных.

Судя по произведенным военно-фортификационным работам в районе Чнырраха, видно было, что японцы тщательно готовились к защите крепости. Только благодаря верному учету степени растерянности и присущей японцам трусости¹⁾, так легко удалось повстанцам захватить крепость. Потери красных были здесь ничтожны: 2 убито, 2 ранено и 14 человек обморожено.

¹⁾ «Присущей японцам трусости»—случайное выражение у автора, вызванное чувством. Дальнейшее изложение событий опровергает это утверждение т. Бузина.

По занятии крепости выяснилось, что т. Орлов вместе с ямщиком Сорокиным действительно расстреляны. В ответ на это партизаны расстреляли всех заложников.

Захваченная радио-станция была пущена в ход тов. Дубицким (ныне находящимся в Петрограде). Немедленно была установлена связь с Сахалином, Охотском, Камчаткой и т. д., откуда сразу же получились известия, что там колчаковщина свергнута, что на Камчатке и в Охотске восстановлена Советская власть, а на Сахалине—Революционный Комитет.

Одновременно с военными операциями шла организационная работа и по гражданской линии. В этой области работали т.т. Железин и Лехов. По всем селениям были посланы инструктора, сельское учительство призывалось к участию в работах по восстановлению власти Советов на местах, и шла горячая подготовка к выборам на Областной Съезд Трудящихся.

Вскоре с о. Сахалина прибыла делегация для выяснения положения и получения директив. Требовались также и революционные работники, почему с отрядом партизан были посланы туда т.т. Фомин (б. офицер, левый эс-эр, погиб под станцией Казакевичами в 1922 г. при последнем выступлении белых) и Кривулин (максималист). К этому времени получились сведения и от хабаровского ревштаба, что в Хабаровск вошли красные партизаны, а Калмыков бежал. Бессонов немедленно отправился в Хабаровск.

Мы не теряли надежды на мирный исход борьбы и вновь послали в город двух китайцев-партизан на китайские канонерки, с обращением к китайскому консулу быть посредником и убедить японского консула и японское командование в бесполезности дальнейшей борьбы, когда все население области поголовно восстало. Но посланные, вместе с документами, были захвачены японцами и белыми и отпущены только по настоянию китайского консула, с условием не возвращаться к красным.

Гор. Николаевск был облежен теперь нами со всех сторон. Мы установили артиллерию и предложили японцам и белым, чрез китайского консула, не обстреливать наше расположение из орудий с улиц города, а также сообщить, почему китайский консул выдал белым две скорострельных пушки. Если орудийный обстрел со стороны японцев и белых будет продолжаться, то мы вынуждены будем прибегнуть к ответному обстрелу на следующие же сутки. Китайский консул возвратил наших прежних двух китайцев, прислав ответ, напечатанный на шелку, в котором говорил, что им сделаны соответствующие предупреждения японцам, белым и общественным организациям, и что в недалеком будущем он надеется встретиться.

и сообщить причины, побудившие его выдать белым скорострельные пушки (документ этот должен быть в Керби, или с т. Шери отправлен в Иркутск).

Японцы и белые продолжали стрелять из орудий, не считаясь ни с чем. Тогда был отдан приказ обстрелять из орудий японское расположение в городе.

Японцы, видя, что мы обстреливаем их определенные пункты, продолжали стрельбу из орудий, устанавливая их на улицах города и даже вблизи китайских канонерок. Для нас было ясно, что японцы стремятся определенно к провоцированию китайцев против красных, почему мы снова послали китайскому консулу и городской думе предупреждение, что ввиду того, что японцы устанавливают батарею на улицах города и обстреливают наше расположение безнаказанно, штаб Красной армии вынужден отдать приказ обстреливать батарею противника, где бы таковая ни была поставлена, при чем за попадания в частные дома и возможные жертвы мирного населения штаб не отвечает, возлагая всю ответственность за это на белых и японцев, упорно не желающих вступать с нами в переговоры.

25-го февраля 1920 года артиллерия красных выполнила свое обещание, и только тогда над городом взвилось несколько белых флагов.

В качестве парламентаря японцы прислали снова знакомого нам старика, с устным предложением от японцев начать переговоры. Парламентаря мы не задержали, передав с ним пакет, в котором лаконически предлагалось явиться для переговоров в колонию прокаженных к 4-м часам дня сегодня же, т.-е. 25-го февраля. Но уже к половине третьего два японских офицера, поручики: *Цукамото* и *Кавомото*, с двумя переводчиками *Накамура* и *Кавамура*, русским офицером *Немчиновым*, председателем городской думы и городским головой явились в указанное место. С делегацией выехал и китайский консул, но, не пожелав завязать глаза при проезде мимо наших передовых линий и не получив от штаба разрешения проехать открыто, он возвратился в город, видимо обиженный. С нашей стороны в состав делегации входили: т.т. Тряпицын, Наумов, Д. Бич (Бузин), Пономарев (Дед) и Покровский (Черный). Немчинову было заявлено, что он может присутствовать в качестве неофициального представителя белогвардейского командования, но переговоры будут вестись только с японцами. На этот раз договорились о месте и времени переговоров. Было отдано распоряжение обоими штабами о совместном установлении особой телефонной связи от японского штаба до колонии прокаженных.

13. Переговоры с японцами.

На следующий день встретились в том же месте и те же лица, но уже с полномочиями на право ведения переговоров по заключению мира между японским отрядом и красными партизанами Николаевского района.

Не веря больше благородству врагов, красные первым условием мирных переговоров поставили требование оградить жизнь всех, кто был причастен к революционному движению и теперь находится в Николаевской тюрьме.

Было заключено перемирие на три дня, считая с 26 по 28 февраля включительно. Нами и японцами был подписан документ, 11-й пункт которого обуславливал, что японским командованием будут исполнены следующие требования представителей Красной армии: а) с 25-го февраля с 18½ часов не должны производиться политические аресты, пытки и расстрелы, а также не должны быть применяемы пытки и расстрелы к лицам, арестованным ранее 25-10 февраля (это должно исполняться как японцами, так и русскими белыми). Все арестованные ранее указанного числа и находящиеся в тюрьмах города Николаевска должны быть из'яты из-под охраны белых и переданы в ведение и под охрану японцев или китайцев, б) как японские, так и русские белые войска прекращают военные действия во всех проявлениях, в) в случае неисполнения этих требований японцами или белыми, Красная армия немедленно открывает военные действия (см. приложение № 3).

26-го февраля уполномоченные для мирных переговоров от японцев и красных прибыли в колонию прокаженных, но вместо Немчинова приехал капитан Мургабов. Японская делегация предъявила свои условия «в целях ликвидации инцидента», как выражался их переводчик *Накамура* (см. приложение № 4).

В основу переговоров положена была вышеприведенная декларация ген. Сирамидзу (см. приложение № 2). Из обмена мнений выяснилось, что это—максимальные требования японского командования, и они не будут настаивать на их принятии, но желали бы иметь ответ в письменной форме для ознакомления командующего майора Исикавы и консула. Это желание первого японского делегата Цукамото было удовлетворено, и наша делегация тут же дала ответ японцам в письменной форме (см. приложение № 5).

27-го февраля переговоры продолжались в той же колонии прокаженных. Велись прения по поводу предложенных нам условий, заключавшихся в четырех пунктах (см. приложение № 6). Японцы

и дело посылали в город курьеров к майору Исикава, так как Исикава не считал приемлемыми для себя наши предложения.

Тогда же был поднят вопрос о судьбе нашего парламентаря Орлова, и в ночь на 28-е февраля с японской делегацией выезжал в город для выяснения этого вопроса, тов. Зинин (Дерюгин), где встретился с майором Исикава, который уверял Зинина, что передал Орлова русскому бело-командованию, но расписки или какого-либо документа, говорящего о действительной передаче Орлова в руки белых, пред'явить не мог. Зинин добивался свидания с полк. Медведевым, но японцы отклоняли это под разными предлогами и, наконец, заявили, что это свидание может быть не совсем безопасным для самого Зинина, ибо белые страшно озлоблены.

28-го февраля японская делегация вновь прибыла в колонию пробаженных и, после долгих дебатов и дополнительных разъяснений, согласилась подписать договор в нашей редакции, переведя его на японский язык. К вечеру того же дня делегация проследовала в крепость Чныррах, где договор был перепечатан на пишущей машинке и подписан обеими сторонами (см. приложение № 7). В честь делегации здесь нашим командованием был дан ужин, на котором Цуэамото заявил, что он довольно близко познакомился с русским народом, любит его и вполне сочувствует национальному возрождению через партию большевиков, с программой которых он также «хотел счастье» познакомиться. Переводчик Кавамура отметил, что он сам считает себя демократом, и если он до сих пор не революционер, так только лишь потому, что в Японии таковы условия. Он (Кавамура) вполне понимает борьбу русских большевиков и им сочувствует. Переводчик Накамура говорил много и долго, содержание его речи помнится смутно, но заключение ее осталось живым в памяти до сих пор: «При совместной жизни в Николаевске мы постараемся очень скоро доказать вам свою дружбу и любовь к русскому великому народу»...

14. Красные занимают Николаевск.

К 12 часам ночи 28-го февраля в город вошли две роты 1-го полка и отряд лыжников, а утром 29-го приняли от японцев все караулы. В 10 часов утра в разукрашенный красными флагами город вступили т. Тряпицын и начальник штаба Наумов с эскадронным командиром.

К двум часам дня по улицам, запруженным массами народа, прошли части 1-го и 2-го полка. На площади был устроен митинг-парад. Выступавшие ораторы от различных организаций и учрежде-

ний приветствовали красных партизан, как стойких борцов за революцию и Советскую власть.

В этот же день японцы передали всех белых офицеров русскому командованию красных войск, но полк. Медведева оставили у себя, симулировав его самоубийство и похороны накануне нашего вступления в город.

По указанию Кухтерина была выловлена вся контр-разведка и передана в руки Военно-Революционного Трибунала. Белогвардейские офицеры также были арестованы, и дело каждого было рассмотрено тем же Трибуналом. При чем невинных в экзекуциях и не принимавших участие в экспедициях Трибунал освободил (напр., капитана Мургабова, подполк. Григорьева, подпоруч. Смоленского и несколько человек других, фамилий которых теперь не помню).

Был создан Временный Исполнительный Комитет в составе Железнина (председатель), Коренева, Бузина, Негиевичка, Пономарева, Павличенко, Артемьева и др., который занялся подготовительной работой к Областному Съезду Трудящихся, назначенному на 12-ое марта, организацией городского управления, вопросами снабжения и т. д.

Был выбран Городской Совет, организованы народные комиссариаты во главе с заведывающими комиссариатами, назначенными Исполкомом. По военной линии проводилась реорганизация отрядов и полков, при чем была проведена демобилизация повстанцев старших возрастов. Немедленно было приступлено к организации милиции. Город в ночное время охранялся патрулями как русскими, так и японскими, при чем караулы около магазина Симады выставлялись японцами. Против этого магазина через улицу в доме Нобеля, во втором этаже, поместился штаб Красных частей. Там же были и квартиры ответственных сотрудников штаба (Тряпицына, Наумова, Покровского, Лебедевой Н., Лехова, Деулина и др.).

Начальником гарнизона был назначен т. Комаров (б. поручик).

В то время я ушел от военного дела в силу того, что т. Тряпицын видел во мне одного из уважаемых партизанами и населением командиров, что не давало покоя честолюбивому Тряпицыну. Имела значение и моя принадлежность к партии коммунистов, так как при разрешении тех или иных принципиальных вопросов, главным образом тактического значения, — я всегда отстаивал свою точку зрения, и наши участвовавшие разногласия расценивались Тряпицыным, как мое стремление стать во главе Красной армии в Николаевске. Такое положение вынудило меня уйти на гражданскую работу. Но со штабом я не прерывал связи, так как с начштаба

Наумовым мы были товарищи и единомышленники (Наумов был членом партии коммунистов). Посещая штаб, я всегда видел там японцев, как солдат, так и офицеров. Особенным завсегдатаем нашего штаба сделался поручик Цукамото со своими товарищами (фамилии не помню), при чем Цукамото частенько, после обильной закуски, оставался ночевать в штабе и спал в комнате начштаба т. Наумова. Цукамото подкупал меня своею искренностью и незлобно внушал особенное доверие к себе. В беседах с нами он называл себя демократом, — даже больше — заявлял, что он теперь большевик и в Японии будет безусловно работником этой партии. Я высказывал Тряпицыну свои опасения насчет «японской дружбы», но он самонадеянно заявлял: «Ничего подобного! В вас говорит просто присущая вам недоверчивость к японцам. Я вполне понимаю это. Но смею уверить, что не далее как через 10—15 дней мы вместе с отрядом японцев пойдем против Хабаровска». О майоре Исикава Тряпицын отзывался хорошо, называя его «великолепным человеком», но не без японской хитрости. Консулу не доверял и говорил, что скорее консул дурак, чем майор Исикава.

Словом, японцы постарались усыпить бдительность русских и своею кажущейся откровенностью расположили к себе даже и тов. Наумова.

Патрулирование по городу в ночное время ослабело, так как начальник гарнизона т. Комаров тоже «убедился» в лояльности японцев...

Между тем японцы не дремали. Охраняя склады и магазины Симады вблизи нашего штаба, они накапливали внутри помещений свои силы, не уводя обратно в казармы ежедневно сменявшиеся караулы. Через несколько дней японцы добились разрешения от нашего штаба говорить по радио с Хабаровском, но лишь на русском языке, при чем на радио-станцию для передачи телеграмм были допущены японские радио-телеграфисты. 8-го или 9-го марта было разрешено японцам передавать телеграммы в Хабаровск на японском языке, так как Исикава и Цукамото убедили Тряпицына в своей дружбе и в том, что они не злоупотребят его доверием, передавая японски только то, что они не могут правильно выразить по-русски (в делах штаба должны быть две или три телеграммы, переданные японцами по радио в Николаевск на японском языке латинским шрифтом).

В эти дни Тряпицын отправил к Хабаровску отряд кавалеристов для усиления партизанских отрядов Хабаровского района.

Китайский консул, посетив штаб, сообщил, что им дано было два скорострельных орудия белым под давлением японского коман-

дования, как «русским властям», ведущим борьбу с мятежниками, при чем добавил: «Если вот теперь вы попросили бы у меня орудия для борьбы с какими-либо отрядами, восставшими против вас, как законной власти, я счел бы своим долгом одолжить их».

В местных газетах были опубликованы все документы по переговорам с японцами и декларация ген. Сирамидзу.

В городе японские солдаты завязывали самые близкие знакомства с нашими красными партизанами.

Всюду наблюдалось оживление. Заработали народные театры, на площадях и в больших помещениях города устраивались митинги, организовывались различные союзы, трудовые коммунны и т. д.

На-ряду с этим Следственная Комиссия, в присутствии японских и китайских представителей, производила раскопки жертв революции. Так были найдены и сфотографированы трупы парламентаря Орлова и его ямщика Сорокина, при чем лицо т. Орлова было обезображено, глаза выжжены, нос и язык отрезаны, на щеках были видны темные полосы и шрамы, проделанные раскаленным железом, спина была исполосована шомполами и нагайками. Затем, по указаниям офицеров, были извлечены из-под снега (на льду Амура) трупы Жердева, Курова, Слепова и других, всего до 30 человек. Подобно т. Орлову, многие трупы были изуродованы, с вывернутыми руками, изрезанными щеками, исколоты штыками и т. д. Все трупы были выставлены в бывшем гарнизонном собрании для обозрения публики и представляли, поистине, жуткую картину.

Но вот на завтра (12-го марта) открывается С'езд Трудящихся Сахалинской области. Высший орган областной власти должен был присутствовать на похоронах жертв революции, тех борцов, на крови которых укрепляется теперь власть трудового народа.

День обещал быть торжественным и знаменательным в жизни области.

Но японцы приготовили нам другое...

Кто бы мог ожидать от столь лойяльных японцев предательства?

Ведь мы, бывало, поражались дружкой, любознательностью и предупредительностью японцев, все больше и больше убеждаясь в хорошем расположении их к красным партизанам. Красные банты на костюмах и шинелях японских офицеров и солдат говорили об успехах нашей агитации. Начались даже срывания погон со словами: «Наша тоже большевика». Открыто говорили, что, когда Тряпицын пойдет к Хабаровску с красными войсками, то японцы пойдут вместе с ним.

Оказалось, что японцы, выражая свою симпатию к нам, испод-
ти строили коварные планы. За свое добродушие и доверие, мы
ак чуть было не сделались жертвами японской бойни.

Кто в этом виноват: майор Исикава и японский консул, или
е- главное японское командование на Дальнем Востоке? 1)

Я глубоко убежден, что дальнейшие события в Николаевске
м- являются следствием, быть может, преднамеренных ошибок provoca-
тронного характера японских милитаристов.

В первых числах марта, как сообщало Александровское на о.
Сахалине радио, появились в море военные японские суда. Чрез
несколько дней японцы заняли Александровск. Революционному
Комитету пришлось прекратить свое существование. Наши полит-
работники (Фомин, Кривулин, Дюжаков и др.) вынуждены были
скрываться первоначально в тайге, а затем пробрались на материк
при наступившей весенней распутице. На острове Сахалине вновь
приехавшие японцы не желали входить с нами в сношения, открыто
прибегая к насилиям над русской властью острова, не говоря уже об
отдельных революционерах.

Из Александровска продолжали поступать сведения об угрозах
японцев, вроде таких: за «насилия» над Николаевским японским
гарнизонами они уничтожат гарнизоны русских на Сахалине и т. п.
Наш штаб отвечал, что в Николаевске спокойно, и никаких насилий
над иностранцами не допускается.

Так японцы подготавливали свое выступление в Николаевске.

1) Япония и японское правительство в настоящее время уже не является
той однородной, монолитной силой, которая победила в 1904—1905 году
русскую царскую армию. Как среди дворянства (самураев), так и среди
буржуазии произошли расколы. Из шовинистической части военной партии
и части, главным образом, северной буржуазии образуется шовинистическое
крайне-правое ядро, сходное с «Союзом Русского Народа» и т. п. органи-
зациями. Эта крайняя правая группа не всегда склонна подчиняться цен-
тральным директивам и проводит свою особую дипломатическую линию, че-
рез военные власти. В оккупационном корпусе большинство военного ко-
мандования и жандармерии принадлежало к этому крайнему течению. По-
этому возможно, что действия японцев в Николаевске являются результатом
партии, а не правительства. Само собой разумеется, что это не снимает с
официального японского правительства ответственности за действия воен-
ного командования. Сожженная японцами секретная переписка, если бы была
захвачена, вероятно, вскрыла бы тайны не только официальной Японии,
но и ее военной партии. Поэтому-то майор Исикава и предпочел умереть,
захватив с собой в могилу все свои тайны.

15. Японское выступление.

11-го марта многие из русских граждан готовились к завтрашнему дню, работая далеко за полночь. Но вот к двум часам ночи все смолкло. Тишина кругом. Даже патрули куда-то исчезли. Приблизительно в половине третьего часа ночи, на 12-ое марта, я вдруг проснулся от грома разрывающихся гранат и частой ружейной и пулеметной стрельбы.

Что это значит?

Быстро одевшись, бросился к выходу. Открыв дверь, я увидел японцев, перебежавших по тротуару около самого крыльца дома, скрываясь за сугробом снега. Все внимание их, видимо, было обращено на Большую улицу, по направлению к казармам, где помещался отряд лыжников. Дом лыжников уже горел, дальше видно было зарево пожара нашего штаба. С северной стороны горел дом, где помещалась команда батареи полевых орудий, пылали помещения кавалерийского эскадрона.

Деревянные здания горели с треском и шумом. Всюду слышны непрерывные взрывы ручных гранат и тревожно торопливый говор заговорщиков-японцев.

Я бросился к телефону, но он уже не работал. Электричество пришлось погасить, так как японцы стали обстреливать дом.

В это время в штабе шла невообразимая суматоха. Тряпицына ранили. Обезумевшие сотрудники штаба металась в горевшем доме, задыхаясь от дыма. Начальник штаба Наумов бросился с балкона прямо к японцам, надеясь спрятаться в глубоком снегу, но его ранили, и он вскоре умер.

Здание штаба было окружено японцами со всех сторон совершенно неожиданно для обитателей штаба. Единственный выход усиленно обстреливался; в дом японцы не заходили, видимо намереваясь сжечь всех работников штаба живыми. Секретарь штаба А. И. Покровский и его помощник Деулин, видя безвыходность положения, покончили самоубийством. Многие из получивших ранения задохнулись от дыма. Выход из дома вел в узкий переулок между зданиями штаба и китайским магазином. Несколько человек, вместе с Тряпицыным, собрались около выходной двери. Сознание того, что уже все потеряно и больше терять нечего, заставило наших товарищей действовать смелее. Растерянность прошла. Решили выбить окно в соседнем доме и здесь искать спасения. Первым выскочил т. Глушаков, удачно пробивший своим корпусом двойные рамы окна

в противоположной стене дома вышеуказанного китайского магазина. В образовавшуюся брешь стали перебегать по очереди: Н. Лебедева, Тряпицын, Шенкерман и др. Японцы в упор расстреливали людей, творивших чудо своего спасения. Здесь Тряпицын был ранен второй раз в ногу, ранили Шенкермана, Стрельцова и др. Убитыми оказались, переживший «собственный растрел» белобандитами, Я. Петров (фельдшер), несколько женщин и детей. От трупов убитых образовалась баррикада, мешавшая перебежавшим, и жертвы участия (живые свидетели: П. В. Лехов, Шенкерман, Курбатов-Стрельцов и др.). Вскоре загорелся и китайский магазин, где нашли первый приют уцелевшие сотрудники штаба. Пришлось пробираться нашим «обреченным» дальше, и, наконец, их подобрала откуда-то появившиеся красные партизаны.

Вскоре выяснилось, что русские отряды с честью дерутся с храбро паседавшими на них японцами и, несмотря на то, что несут большие потери и не видят руководства, все же продолжают сражаться не на живот, а на смерть: красные партизаны сознавали, что в столь серьезный момент каждый из них сам по себе и партизан, и командир, и начальник.

Никто не предполагал и не допускал мысли, что со стороны миролюбиво настроенных японцев можно было ожидать предательского нападения. Пораженные неожиданностью выступления, красные партизаны были страшно возмущены вероломством вчерашних друзей.

Враг появлялся всюду. Мелкие японские отряды, неуспевшие выполнить во-время данных им задач, вынуждены были вступать в бой с появившимися партизанами и, при неустойках, рассыпались по всему городу, били красных везде, где только было можно, стреляя из-за заборов и домов.

В первое время японцы имели большой успех, заняв западную и центральную часть города. Наши были оттеснены к окраинам города, но в самом городе, в некоторых пунктах, все же сумели удержаться до конца.

В город вошли части крепостного гарнизона с одной 6-дюймовой мортирой, а со стороны д. Личи прибыл отряд Будрина и немедленно вступил в бой с японцами. Скоро наши отбили батарею, но замков там уже не было. Из артиллеристов в живых остался один лишь т. Долженко (житель с. Циммермановки), а остальные были перебиты или погибли в огне пожара. (Впоследствии один артиллерист был найден нами за японскими казармами убитым, со связанными руками, при чем в грудь он получил до 20 штыковых ранений и 37—в спину, висок был рассечен ударом шашки).

Командование красных вошло в соглашение с китайским консулом и командующим китайскими канонерками, во исполнение чего китайцы выдали нам одно скорострельное орудие с достаточным количеством снарядов, но пользоваться этим орудием почти не пришлось. Неофициально же многие китайские матросы добровольно приняли участие в ликвидации японского выступления, становясь в цепи рядом с партизанами.

Завязались встречные уличные бои. Отсутствие единого командования в это время породило много печальных недоразумений, но они, при сложившейся обстановке, были неизбежны.

К партизанам присоединились частные граждане, помогая чем можно. Наши быстро усвоили японский прием бойни по улицам города и, вырвав у противника инициативу боев, сами стали поджигать те здания, кои занимались японцами. В это время один из командиров, некто Лапта¹⁾, на свой риск и страх ликвидировал тюрьму и арестный дом при милиции, при чем, по заявлению председателя Трибунала И. Зинина, там погибло до 50 человек, подлежащих освобождению и несколько десятков человек, дела которых еще не были рассмотрены Трибуналом.

На второй же день боя (13-го марта) стало ясно, что японцы будут побеждены. Была отбита телеграфная контора, хотя в ней аппаратов уже не было, батареи и окна были разбиты.

Японские войска сгруппировались в 4-х пунктах: 1) в поместье и магазинах Симады, 2) в каменных казармах, 3) в гарнизонном собрании и 4) в зданиях японского консульства.

Японские пулеметчики втащили пулемет на занятый ими собор, но скоро были выбиты оттуда партизанами.

1) Лапта—хабаровский рабочий, грузчик. Арестованный Калмыковым и посаженный в вагон смертников, был неожиданно выпущен на свободу и после этого уехал от парторганизации к Тряпицыну. После его отъезда выяснилось, что Лапта сохранил себе жизнь и свободу предательством и ролью палача, участвуя в порках товарищей. Лапта перед отъездом выдал Калмыкову около трехсот товарищей, часть которых была расстреляна. Выяснив все это, ревштаб партотрядов поручил т. Бессонову привести Лапту в ревштаб. Но т. Тряпицын отказал т. Бессонову в выдаче Лапты и, продолжая ему доверять, оставил его командиром отряда. Поэтому ко всем действиям Лапты в дни николаевской трагедии надо относиться крайне осторожно, так как Лапта, доказанный предатель и провокатор, вступивший в тайную связь с белыми до приезда в отряд т. Тряпицына. При отступлении к Хабаровску Лапта был расстрелян партизанами своего отряда.

Исикава с большой группой солдат и офицеров укрепился в квартале Симады.

После долгой перестрелки, нашим удалось поджечь эти здания, и Исикава, видя гибель своего плана «ликвидации красных», отправил к Тряпицину своего переводчика Кавамура с поручениями, а сам с криком «банзай» бросился в атаку против красных и был убит пулей, пробившей ему голову. Все японцы, бывшие с Исикавой, погибли в отчаянной схватке с партизанами. Кавамура попал в плен и был приведен к т. Тряпицину.

Группа японцев, сконцентрировавшаяся у гарнизонного собрания, после долгих боев, вынуждена была сдаться, при чем переговоры о сдаче вел с нами перевязанный партизанами раненый японец, попавший в плен еще раньше. Японцы, приведя винтовки в негодность, сложили их в кучу и сдались. Это оказалось для них роковым, так как, получив от японцев негодные винтовки, рассерженные партизаны перебили весь командный состав японского отряда. (Это одна из вероятных версий, так как некоторые из партизан уверяли, что большинство японцев разбежались по дворам и продолжали драться в одиночку, а сдавшиеся были отведены в распоряжение начгара).

По улицам всюду валялись перепутанные электрические и телефонные провода. Город по ночам освещался лишь заревом пожаров. Из квартир японцев и белогвардейцев все еще иногда раздавались предательские выстрелы, и красные врывались в эти помещения, расправляясь с виновниками на месте. Около моей квартиры, в соседнем доме, японцами был убит доктор Андреев только потому, что вышел рано утром открыть ставни окон своей квартиры.

На пепелище б. штаба Тряпицына, в обгоревших грудах кровельного железа засели 6 японцев с офицером и оттуда обстреливали проходивших русских, кто бы они ни были. Их присутствие было обнаружено инородцем-гиляком, который единолично вступил с ними в перестрелку. Японцы не могли состязаться с природным стрелком-охотником, но в плен не сдались. Когда был убит последний японец, гиляк подскочил к трупам, снял с офицера пашку и надел на себя, с видом торжествующего победителя. —

Видно было, что японцы чувствовали свою вину, сознавали непоправимость предательского выступления и не просили о пощаде.

Многие из жителей, прячась от пуль в подвалах и подпольях, бросали имущество на произвол судьбы. Появившиеся хунхузы и русские уголовные преступники, учтя момент, начали грабить покинутые дома, а в японских квартирах, под видом партизан, вырезывали даже семьи, при чем гибли не только японцы, но и русские.

Мне приходилось наблюдать два случая мародерства среди белого дня, при чем были пойманы две шайки (одна из корейцев, а другая из китайцев)—и все мародеры были отведены партизанами в штаб начальника гарнизона т. Комарова.

Я был свидетелем жуткой картины: два красных партизана (китаец и русский) вели троих японских детей в приют. Эту группу догнали несколько китайцев (видимо тоже партизан), отняли детей, и один из китайцев со словами: «вырастит, все равно будет сволочь»,—выстрелил из «Смита» в старшую девочку. Но, увидав меня, спешившего к ним с угрозами,—китайцы быстро скрылись. Поймать преступников, к сожалению, не удалось. Живыми остались еще одна девочка и мальчик, которые были отведены в приют и должны быть живыми до сего времени (приют в дни эвакуации Николаевска был переведен в г. Благовещенск).

Явившись к Тряпицыну, я встретил там и т. Комарова, которому было поручено взять в свои руки руководство уличными боями; я настойчиво потребовал от него принять все меры к прекращению мародерства и убийства. Но Тряпицин заявил: «Уже поздно, т. Бич. Вы пользуетесь известным авторитетом, и вот попробуйте-ка остановить то, что творится в городе»... Да, остановить было невозможно...

Кто знает, быть может, японскому правительству нужна была николаевская драма. Японии нужны были жертвы во имя их заветных достижений на Д. В., нужен инцидент для того, чтобы обвинить русских и русскую революцию и на этом приобрести определенный капитал.

Здесь я увидел переводчика Кавамура и спросил его: «Кому мы обязаны за происходящие ужасы?». Кавамура, побледнев, глухим голосом произнес: «Да, т. Бич, тяжело и больно быть живым свидетелем того, что происходит... Наш консул правду говорил, что Исикава совершает ошибку... Но он солдат и иначе, быть может, не мог. Я ведь от него. Исикава просил Тряпицына прекратить уничтожение мирного японского населения. Всю вину за происшедшее майор берет на себя и дал слово смертью своей искупить свою вину».

При дальнейшей беседе с Кавамурой выяснилось, что офицеры японского отряда (и особенно Цукамото) уговаривали майора Исикава перед самым выступлением не вести их на верную гибель, но Исикава был неумолим, заявляя, что он отвечает за свои поступки и за жизнь вверенных ему людей, а посему все офицеры и солдаты должны безоговорочно выполнять его приказ о выступлении. Заключенный договор с красными он считает настолько позорным для

это и для Японии, что не может себе простить эту вину перед родинной, решив искупить ее только «славной смертью». Успех выступления Исикава строил на том, что с ликвидацией штаба Красной армии, с захватом батарей и уничтожением лыжников,—партизаны сами собой рассеются. Но расчеты оказались неверными. Я предложил Кавамура быть посредником при переговорах о сдаче в плен японцев в консульстве, вместе с их консулом, и что, в случае его согласия,—я постараюсь убедить Тряпицына и Комарова воспользоваться его услугами. Но Кавамура соглашался выполнить это только в том случае, если из Хабаровска будет получен приказ, добавляя как бы вскользь, что их консул — «самурай».

Перестрелка с японцами продолжалась. Жертвы увеличивались.

Ввиду неожиданности нападения японцев, дело медицинской помощи раненым не могло быть организовано во-время, почему многие раненые в первый день боя оставались без надлежащей помощи и присмотра и гибли на улицах города. Некоторые врачи оказывали первую помощь раненым на своих квартирах, превращая их в импровизированные лазареты.

Через 1½ суток от начала выступления, часть медперсонала госпиталя и больниц получили возможность явиться на службу. К госпиталю изредка начали подвозить тяжело раненых и убитых как русских, так и японцев, при чем для японцев было отведено особое помещение в новом очень светлом домике.

Наконец, по городу стали ходить фельдшера, санитары и сестры милосердия. Прячась от пуль, они помогали раненым, перенося их в госпиталь и больницы. Когда там не стало свободных мест, то под лазареты отвели школьные здания.

Только к концу вторых суток боя стало возможным и более или менее безопасным в некоторых пунктах города подбирать раненых и увозить на подводах.

Вскоре выяснилось, что японцы сконцентрировались теперь только: 1) при консульстве и 2) в каменных казармах, где продолжается перестрелка, и наши стали обстреливать эти здания из орудий.

Попытки предложений о сдаче в плен успеха не имели, и по выходившим с белыми флагами парламентарам японцы открывали стрельбу из винтовок и пулеметов, особенно усиленно прорывалось это у консульства. Я постарался побывать в обоих пунктах, уделяя больше внимания событиям, происходившим около консульства. Меня очень интересовало, как консул выйдет из положения, если не желает прибегнуть к открытым переговорам. Навестил я еще раз переводчика Кавамура, которого застал за перево-

дами каких-то японских документов. Бывшие при нем русские товарищи, видимо, не совсем доверяли его работе. Кавамура это замечал и как бы в свое оправдание, в разговоре со мной заметил, показывая на груды японских бумаг, что он переведет все добросовестно, ибо теперь, после пережитых ужасов, в коих виноват только японский империализм, он переродился и стал революционером-интернационалистом, и что только теперь он с особенной ясностью понял, что народам нужен мир, чего добиваются русские большевики... К сожалению, об этих работах переводчика Кавамура я впоследствии ничего не слышал, но, полагаю, что его труды должны быть вывезены на Керби, вместе с архивом штаба.

Красные партизанские части разделились также на две группы. Одной командовал Мизин, осаждая японцев в каменных казармах, а второй — против консульства — руководил Лапта.

Как только наши части 13-го марта приблизились к консульству, тотчас же был послан парламентар с белым флагом к японцам, но последние недопустили его, обстреляв ружейным и пулеметным огнем. До 7-ми часов вечера Лапта не находил партизана, желающего пойти парламентаром к консульству. Пришлось послать по приказу, но этого ранили, и по рядам партизан пошел ропот о бессмысленности жертв: припоминали гибель т. Орлова, доказывая, что японцы вообще коварны и подлы. Перестрелка с консульством прекратилась в этот день поздно вечером.

Ночью японцы сделали вылазку и сожгли здание, находившееся против консульства, через улицу. На утро 14-го марта консульство подвергли обстрелу из одного 57 орудия бронебойными снарядами. Но результата никакого. Японцы продолжали отстреливаться с прежней интенсивностью. От Тряпицына было дано распоряжение, чрез Комарова, захватить консульство во что бы то ни стало в целости, сохранив жизнь консула. Но, несмотря на наличие распоряжения и принятия различных мер к тому, чтобы так или иначе связаться с консулом, консульство погибло. X

15 марта, ровно в 12 часов дня, три жилых дома одновременно загорелись, и густой черный дым высоко поднялся к небу. Огонь быстро охватил сухие деревянные домики. Я ожидал, что сейчас начнется последняя атака, как это было сделано майором Исикавой. Но нет. Проходит томительных полчаса, на улице никто не появляется.

Рядом со мной был т. Железнин, который, обратившись ко мне, произнес: «Неужели?..» — «Да, как видишь», ответил я.

Раздалась команда Лапты, и цепи партизан бросились к пожару, стремясь проникнуть внутрь объятых пламенем домов, но

уже поздно. Никаких документов извлечь не удалось. Самурай предпочел поступить по-самурайски. Партизаны были угрюмы и молчаливы, и лишь некоторые вслух высказывали предположения, что консул, вероятно, сделал себе «харакири», решив сгореть вместе со своими солдатами. Не было тут обычного победного шума, и скоро части были уведены отсюда... Жутко было смотреть и слышать, что в этом пламени пожара люди совершенно бессмысленно самоуничтожаются.

К этому приблизительно времени с Хабаровском была восстановлена телеграфная связь, при чем аппарат был установлен в частном доме, так как почтово-телеграфная контора была японцами еще в первый день выступления их захвачена и разбита.

От лица военкомандования с Хабаровском по прямому проводу говорила т. Нина Лебедева. Она подробно должна была информировать Хабаровский Вр. Исполком и т. Виленского о японском выступлении. Впоследствии с т. Постышевым говорил и тов. Тряпцын.

Японцы, желая сконцентрировать силы, подожгли свой штаб и отступили в каменные казармы, откуда продолжали обстреливать наши цепи, занятые устройством окопов и ходов сообщения в глубоком снегу, приближаясь таким образом к казармам. Время от времени наше командование высылало парламентариев, но их обстреливали, не давая приблизиться на такое расстояние, чтобы можно было крикнуть. Здесь убили вызвавшегося пойти к японцам с белым флагом т. Гавриленко.

В горевший японский штаб поспешили партизаны по приказанию одного из командиров с определенной целью—захватить документы, и под градом японских пуль, неся потери, наши выполнили задание. Но, к сожалению, здесь так же опоздали, как и у консульства. Однако кое-что было выхвачено из огня, при чем в делах были найдены подлинный договор японцев с нами и предварительное условие, с японским переводом, подписанным японцами в колонии прокаженных. Эти документы целы и до сего времени.

Вскоре после переговоров с Хабаровском и давления т.т. Гейцмана и Постышева на японское командование в Хабаровске, генерал Ямада отдал приказ японцам, засевшим в казармах, прекратить ненужное сопротивление (приказ был напечатан в хабаровских газетах). С этим приказом наш парламентар, вооружившись большим белым флагом, пошел к японцам вместе с переводчиком Кавамурой. Японцы открыли было огонь, но, узнав Кавамуру, перестали стрелять. Только таким путем удалось завязать переговоры с японским отрядом в каменных казармах. Японцы сдались в числе

98 мужчин и 4 женщины. Всего пленных японцев было 132 мужчины и 4 женщины, т.-е. 136 человек.

Как я уже сказал выше, раненых и больных японцев поместили в госпиталь на излечение, при чем было разрешено госпиталю иметь японских фельдшеров из числа пленных.

Через день после сдачи японцев, Тряпицын приказал перевести их в тюрьму. На мой протест, поддержанный т.т. Комаровым и членом исполкома, против такого отношения к пленным, Тряпицын ответил, что он, согласно нашего договора с японским отрядом в Николаевске, рассматривает японцев как «международных уголовных преступников», находившихся у нас «в гостях» и предательски выступивших против хозяев приютившей их республики. Что это так, он с документами в руках в любой момент готов доказать хотя бы всему миру. Дальнейшие разговоры ни к чему не привели.

Так окончилось японское выступление в г. Николаевске на Амуре.

Наши потери людьми: убито было до 100 человек и ранено до 250. (Тряпицын в разговоре с Постышевым цифру эту уменьшил почти на половину).

Берясь за перо, я стремился быть беспристрастным и, насколько возможно, объективным «бытописателем». Последнее же слово о николаевских событиях 1919 — 1920 г.г. принадлежит, конечно, будущему историку.

16. После японского выступления.

За время столкновения и встреч с японцами, мы все хорошо изучили их и знаем, насколько они коварны, злы, наглы, беспощадны и мстительны.

Мы считали, что в Николаевске японцы получили исторический урок, урок бесповоротного осуждения интервенции и японской тактики завоевания края. Но мы также были убеждены, что это не образумит сильную японскую военную клику внутри Японии, почему и готовились к возможным выпадам со стороны последней.

Сразу же после ликвидации выступления мы поспешили утвердить власть трудящихся в области. С'ехавшиеся уже делегаты на областной с'езд и принимавшие участие в борьбе с японцами собрались 16 марта в зал реального училища и приступили к работам по организации власти. Председательствовали на с'езде т.т. Бунин,

Железнин и Лехов, 28 марта съезд закрылся, оставив после себя вы-
санный Исполком под председательством т. Железнина, а его това-
рищ Ауссем, секретарь т. Циганок.

Исполком руководил всей работой по гражданской линии, вме-
шиваясь и в дела военные, где сталкивался с Тряпицыным. Разно-
мения доходили до больших неприятностей, и Тряпицын иногда
уступал, а иногда только делал вид, что уступает. Это страшно нер-
вировало членов Исполкома, но последний, имея в виду популяр-
ность Тряпицына среди старых партизан, не поднимал вопроса об
его увольнении с поста военного комиссара.

В целях установления документально факта предательского
японского выступления, по соглашению с китайским консулом, была
создана Международная Комиссия, которая и приступила к обследо-
ванию вопроса о японском выступлении в г. Николаевске и поне-
сенных убытках как правительственными организациями и учре-
ждениями, так и частными русскими гражданами и иностранцами
(о создании комиссии должны быть приказы Исполкома и Штаба).
Представительство в Комиссии было: 1) от русских 4 человека (Ле-
хов, Бич и др.), 2) от китайского консула — 2, 3) Китайского О-ва —
2 и 4) от Корейского О-ва — 3. Комиссии было дано право пригла-
шать для работы других иностранцев, случайно оказавшихся в
г. Николаевске во время японского выступления.

К сожалению, работы Комиссии не были доведены до конца.
Дальнейшие события шли настолько форсированно, что выполнить
колоссальную работу в 1½ месяца, притом же людьми занятыми
еще и другими обязанностями было физически невозможно.

Мне лично удалось побывать только на двух первых заседаниях
Международной Комиссии, от каковых у меня сохранился ряд пред-
ложений, принятых Комиссией и запротоколенных. Заседания на-
чались с 21 марта 1920 г. (материалы работ Комиссии должны быть
вывезены на Керби или в Удинск). Было постановлено опросить воз-
можно большее число граждан различных национальностей в гор.
Николаевске о пережитых ими днях выступления японцев, чтобы
выяснить подробно начало бойни, ее дальнейшее развитие и конец.
Для этого город был разбит на районы (по числу членов Комиссии)
и предположенную работу каждый член Комиссии должен был про-
делать в порученном ему районе. После предварительного обследо-
вания и получения части материалов Комиссия констатировала
следующее:

«1) После того, как русские силы, под командованием Тря-
пицына, вошли в город Николаевск и заключили мирный договор
с местным японским гарнизоном, вокруг последнего группиро-

вались все белогвардейские элементы; в то же время сами японцы старались быть вполне лояльными.

2) Японцы снабжали белогвардейцев оружием, оказывая денежную помощь и скрывая их руководителей в своем штабе (полковник Медведев и др.).

3) В течение 12 дней (с 29 февраля по 11 марта включительно) после заключения договора, японцы относились к русским красным войскам внешне дружелюбно, устраивая банкеты в честь красных командиров, и сами ежедневно посещали русский штаб в качестве гостей.

4) С целью упрочить положение власти — общественные круги Николаевского района созвали с'езд всего трудящегося населения Сахалинской области, и 12 марта с. г. с'езд должен был открыться, но в ночь с 11 на 12 марта случилась Николаевская катастрофа.

Устанавливается целым рядом показаний граждан города, переводчика Кавамура и др. японцев-пленных, что японский гарнизон, без всяких предупреждений, неожиданно для всех русских, в ночь с 11 на 12 марта, напал на русские силы и учреждения во многих пунктах города, открыл усиленный ружейный и пулеметный огонь, забрасывал город гранатами, и к утру 12 марта Николаевск почти весь был в руках японцев.

5) Днем 12 марта, рассеянные русские силы и население, частью бежавшее из города, организовались и повели контр-наступление на японцев, вместе с подкреплениями из крепости и с. Личи.

6) Установлено, что главные силы японцев, отступая под давлением русских с занятых позиций, стянулись к японскому консульству в каменном казармам (б. Совдеп), засели там и вели все военные операции из этих пунктов, не допуская к себе русских парламентариев для переговоров о перемирии.

7) Устанавливается, что японское командование, в целях сокрытия причин выступления, приказало, в случае неудачи, уничтожить все секретные документы, дабы таковые не попали в руки русских и не были бы опубликованы, разоблачая подлинную японскую политику на Дальнем Востоке (показания пленных японцев-офицеров).

8) В целях установления виновников в нарушении международного права, русские власти в Николаевске приложили все старания к тому, чтобы созвать настоящую Международную Комиссию для всестороннего расследования Николаевской трагедии».

Велись также и протоколы Комиссии, но где они теперь, и где члены этой комиссии — сказать трудно.

Японцы стремились уничтожить и уничтожили не только документы, но и оружие, снаряжение и продукты, прибегая к излюбленному способу — поджогу, обливая предварительно керосином. Своими же руками японцы не стеснялись уничтожать и приводить в негодность и все русское. Так, одна из новых двухэтажных каменных казарм была превращена японцами в стойло для скота и до такой степени разрушена, что в ней едва ли бы можно было жить даже после окончания и ремонта.

Японцев выгоняли на работы по очистке казарм, расчистке вепелищ, искать спрятанные ими замки от наших орудий во время выступления и т. д. Содержались японцы хотя и в тюрьме, но отношение к ним было хорошее, жалоб никаких не предъявлялось ни нам, ни китайскому консулу.

С китайцами в Николаевске отношения были самые дружественные, особенно с комсоставом китайских канонерок, посещавших вечера, устраиваемые как русским командованием, так и общественными организациями и учреждениями. Через китайского консула было отправлено во Владивосток 2 пуда золота на приобретение продовольствия. Для их канонерок был отпущен уголь в достаточном количестве, продукты и т. д.

Обеспечив себе безопасность со стороны китайских вооруженных сил, случайно оказавшихся в Николаевске, мы стали деятельно заниматься к обороне против вероятного нападения японцев со стороны моря.

Но вот повторились несколько запоздалые выступления японцев 4—5 апреля 1920 г. по всем городам Д. В., и нашим партизанам нигде не удалось одержать победу над предателями-японцами. Русские революционные войска вынуждены были уйти в тайгу, или в Амурскую область, куда японцы не могли проникнуть.

От диких выступлений японцев против красных отрядов и мирных русских граждан веет средневековым (да и тогда не было столь жестоких побоев).

Чего же должен был ожидать Николаевск при новом приходе японцев?

Напряженное состояние красных частей передавалось и мирному населению. Все так или иначе готовились к встрече противника. Теперь появилась угроза и со стороны Хабаровска. Нападение на Николаевск нужно было ожидать с двух сторон.

Но, готовясь к предстоящему столкновению с противником, мы в то же время приготовились с особой торжественностью похоронить своих товарищей, павших в борьбе за счастье трудящихся.

17 гробов жертв революции были переданы родным для самостоятельных похорон, а остальные 124 гроба были погребены в братской могиле, в городском саду. Похороны состоялись в апреле месяце (числа не помню). 124 гроба, обитых красной материей, были поставлены открытыми на площади против реального училища, для публичного осмотра замученных бело-японцами и убитых во время выступления. Город был разукрашен красными флагами и черными траурными знаменами. Население всего города приняло участие в процессии, неся гробы на руках. На похоронах участвовали русские регулярные части и рота китайских матросов со знаменами. Под траурные звуки похоронного марша двух оркестров медленно двигалась печальная и торжественно-скорбная процессия по Невельской улице. Впереди процессии несли два маленьких гробика, с костями сгоревших в штабе т.т. *А. Покровского, Деулина* и др.

Процессию сопровождали: 1) весь Исполком, во главе с Железным, 2) штаб Красной армии с Тряпицыным на санях (он был тяжело ранен), комиссариаты, союз молодежи, учащая молодежь и т. д.

Подойдя к могиле, гробы бесшумно стали устанавливать на дне ее, а с приготовленной трибуны раздались речи, призывающие не плакать над трупами героев-товарищей, а продолжать то дело, за которое они пали смертью храбрых и т. д.

Раздался пушечный салют крепости, последний залп из ружей; хор спел Интернационал и, с клятвой на устах об отмщении за понесенные жертвы, мы разошлись по домам.

Так закончился первый период борьбы с японо-белогвардейцами в гор. Николаевске 1920 года. X

17. Дальнейшие события.

Все города Дальнего Востока пережили 4—5 апреля, когда японцы предательски выступили против красных гарнизонов, расстреливая заодно и мирных жителей.

Из Хабаровска 15 или 16 мая к Николаевску направились три канонерки во главе со «Шквалом» и несколько пассажирских пароходов с баржами, переполненными японскими войсками. Эта флотилия на своем пути останавливалась во всех более или менее крупных селениях, начиная с Вятского, уничтожала телеграфные столбы, спиливая их на расстоянии нескольких верст по берегу Амура, при чем разбивались изоляторы и провода перерезывались на мелкие куски. В почтово-телеграфных отделениях вдребезги разбивались

аппараты, как телеграфные («Морзе»), так и телефонные, если чиновники заблаговременно не уносили их в тайгу. Такому нападению со стороны японцев подвергались следующие учреждения: 1) вятское, 2) троицкое, 3) малмыжское, 4) киселевское, 5) верхне-тамбовское (увезены аппараты), 6) нижне-тамбовское, 7) сухановское и т. д.

В В.-Тамбовске японцы ночевали, при чем, по приказанию командующего, всех мужчин согнали на ночь в один дом, а солдаты выжили по селению, приставая к женщинам с гнусными предложениями. Киселевский поселок был обстрелян артиллерийским огнем. Самое же самое проделано было и в Малмыже.

Японцы всегда заявляли крестьянам, что если при их «посещении» в том или ином селе раздастся хотя один выстрел, они артиллерией снесут все, не оставив камня на камне.

В Софийске японцы расстреляли старика-крестьянина Микрюкова за то, что наши партизаны при отступлении забыли у него телефон, который он не успел спрятать. Большой дом Микрюкова сгорел по обыкновению сжечь, но крестьяне уговорили оставить часть в школу. Домашнее имущество было разграблено, а скот частью перерезали на мясо для своих частей, а частью роздали финифилам: кулаку Рудакову и другим крестьянам, жаловавшимся японцам, что партизаны взяли у них на мясо по три быка и денег финифилы не уплатили.

Здесь было расстреляно еще 2 крестьянина.

В Мариинске и далее к Николаевску японцы не стеснялись в расстрелах, запугивая крестьян.

Что сделано японцами дальше, на низовьях Амура, мы узнаем только после окончательного освобождения края от интервенции.

При занятии Де-Кастри японцы грубо и дерзко обращались не только с нашими почтово-телеграфными чиновниками, но и с их семьями и детьми.

В этот период времени настроение крестьян низовья было крайне напряженное. Тряпицын и Исполком призывали население к обороне. Этот зов является последним выходом из положения, и все шли в ряды Красной армии. Гарнизон крепости Чыырах пополнен был новыми добровольцами, и форты ее спешно приводились в боевую готовность. Создавался минный транспорт под руководством б. капитана Мургабова. Большие морские прожекторы (два), никогда не работавшие в крепости, приведены были в полную исправность и по проложенным узкоколейным путям свободно перемещались локомотивами с одного форта на другой. Работа крепости шла день и ночь.

По селам крестьяне почти поголовно, от 16-летнего до 45-летнего возраста брались за оружие и шли в ближайšie отряды Красной армии (см. телеграмму-записку Сницянова из Богородска в Мариинск).

К нам в Мариинск и Софийск поступали сведения из Николаевска, что мирное население, ранее отступления красных партизан, в виде протеста против действий японцев, покидает город, направляясь на Амгунь.

Так ненавистны были японцы большинству русского населения, и никто не хотел вновь с ними встречаться.

Приложения: копии документов, указанных в очерке, стиль коих сохранен.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Копия (с отпуска).

Р.С.Ф.С.Р. Штаб Красной армии николаевского фронта. № 135.

27 января 1920 г. Д.-армия.

**КОМАНДУЮЩЕМУ ЯПОНСКИМИ ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ
В ГОР. НИКОЛАЕВСКЕ.**

Копия русскому командованию, городской Думе и консулу Китреспублики.

Не желая проливать напрасной крови при дальнейшей борьбе, как с белыми, так и с войсками Японии—штаб Красной армии предлагает Вам вступить с вами в предварительные переговоры по вопросу о перемирии и передаче города Николаевска Красной армии, почему просим выслать Ваших представителей сегодня к 12 часам дня, к месту, где поставлен будет белый флаг нашим парламентаром тов. Орловым, для встречи с нашими уполномоченными, коим поручается установить время и место начала перемирия и последующих мирных переговоров.

Парламентар должен возвратиться в расположение наших войск сегодня, не позднее 12 час дня.

Одновременно высылается к Вам японский гражданин¹⁾, который должен предупредить Вас, в каком положении находятся у нас ваши пленные, при чем, в целях гарантии жизни и возвращения нашего парламентарера тов. Орлова, мы объявляем всех пленных заложниками.

В случае вашего несогласия начать с нами указанные выше переговоры, командование Красной армии снимает с себя всякую ответственность за последующие события.

П.п. Командующий фронтом Я. Тряпицын. За начальника штаба Д. Бузин, секретарь А. Псковский.

С подлинным верно: Д. Бузин.

С копией верно:

секретарь мининдела (подпись).

¹⁾ Фамилия японца в отпуске не поставлена, т. к. она была вписана чернилами только в подлиннике и копиях, посланных в Николаевск.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

К о п и я.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Командующего Японской армией в Приамурской, Приморской и Сахалинской областях генерала Сирамидзу.

По поводу случившегося в последнее время в России политического переворота, я — командующий японской армией в Приамурской, Приморской и Сахалинской областях, — объявляю всем политическим партиям в России следующее:

1. Японская армия абсолютно нейтрально относится к политической борьбе в России, но не может позволить так, чтобы по военным действиям, для узурпации, порядок и спокойствие в этих краях подвергались разрухе.

2. Японская армия требует, чтобы всякие политические партии гарантировали жизнь и целостность имущества японских колоний, не препятствовали общественному сообщению: по телеграфу, телефону, железным дорогам и не подвергали опасности жизнь служащих при названных учреждениях, также и чиновников, или служащих при других казенных учреждениях.

3. Затем требую, чтобы не трогать служащих при Японской армии, какой бы они нации ни были бы. Обеспечить жизнь и имущество дружин, взявшихся за оружие для защиты населения всякой нации в этих краях. Вообще, желательно было бы, чтобы в политической борьбе избежали кровопролития.

В заключение сей декларации, предупреждаю, что в случае неисполнения какими бы то ни было партиями вышеупомянутых пунктов, то против таковых японская армия примет решительные меры.

Г. Благовещенск н./Амуре. 1920 г., 4 февраля.

Командующий 14-ой дивизией, генерал Сирамидзу

С копией в е р н о :
секретарь штаба Черных.

С подлинной в е р н о :
секретарь минидела (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.

К о п и я.

КОЛОНИЯ ПРОКАЖЕННЫХ БЛИЗ г. НИКОЛАЕВСКА.

1920 года, 26 февраля.

Мы, нижеподписавшиеся, представители Красной армии николаевского фронта: Командующий фронтом Я. Тряпицын, начальник штаба Наумов, т.т. Бич, Дед и Черный, с одной стороны, и, с другой — парламентарии японского отряда г. Николаевска: поручик Сукамото, поручик Кавомото, при переводчиках: Накосура и Кавсмура, — заключили перемирие в следующем:

1. Военные действия с обеих сторон прекращаются с 26-го февраля до 24-х часов, пока ведутся мирные переговоры.

2. Японским командованием исполняются следующие требования представителей Красной армии: а) с 25-го февраля 18½ часов (согласно предварительного совещания парламентариев от 25-го февраля) не должны производиться политические аресты, пытки, расстрелы, а также не должны быть пытки и расстрелы к лидам, арестованным ранее 25 февраля 18½ часов. Это должно исполняться, как японцами, так и русскими белыми. Все арестованные ранее срока 25 февраля 18½ часов, находящиеся в тюрьмах гор. Николаевска под охраной русских белых, должны быть изъяты в ведение охраны японцев или китайцев; б) русские белые войска прекращают военные действия во всех проявлениях, как и японские; в) в неисполнение этих требований Красная армия немедленно открывает военные действия.

П. п. командующий Красной армией николаевского фронта **Я. Тряпицын**. Начальник штаба **Т. Наумов**, представители Красной армии: **Бич, Дед и Черный**.

Японские представители: поручик **Цунамото**, поручик **Кавомото**. Переводчики: **Накимура и Кавомура**.

При этом присутствовали представители городской думы—городской голова **Д. Карпенко** и представитель думы **В. Комаровский**. От русского командования белых—капитан **Немчинов**.

С подлинным верно: секретарь штаба **Черный**.

С копией верно: секретарь мииндела (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

Копия.

МИРНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ НИКОЛАЕВСКОГО РАЙОНА.

Наши условия следующие:

1. Строго соблюдать декларацию генерал-лейтенанта Сирамидзу.
2. Сдать всю артиллерию и оружие японскому командованию.
3. Ограничить число красных, входящих в город.
4. Освободить всех пленных, как японцев, так и русских.
5. Восстановить телеграфное и почтовое сообщение между Хабаровском и Чныррах, и передать на определенные часы русское радио японскому командованию.
6. Вознаградить пострадавшее население за понесенные убытки.
7. Почему производилась стрельба по Чныррах, вопреки декларации ген.-лейт. Сирамидзу?
8. Почему производилась стрельба по городу без предупреждения, особенно по консульству?
9. Каким порядком желают войти в город и создать новую власть?
10. Полная неприкосновенность личности, жилищ, имущества офицеров, чиновников, солдат, а также всех граждан и служащих правительственных учреждений.

11. Полное забвение прошлому.

12. Все офицеры и солдаты, не разделяющие взглядов новой власти, находясь под защитой японского командования и консульства, и, при открытии переговоров, под их охраной имеют право выезда за границу беспрепятственно. До выезда за границу сохраняют за собой право ношения мундира.

13. Полная неприкосновенность всех граждан, не разделяющих взглядов новой власти (жизнь и имущество которых находится под охраной японского командования) и имеющих право беспрепятственного выезда за границу.

14. В случае возобновления военных действий, всем желающим женщинам и детям, и лицам, не принимающим участия в политической борьбе, допустить право беспрепятственного выезда из города до прекращения осадного положения.

Майор **Исикава**. 1920 года «26» февраля, г. Николаевск.

С подлинным верно: секретарь штаба **Черный**.

С копией верно: секретарь мининдела (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

К о п и я.

ЯПОНСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ В Г. НИКОЛАЕВСКЕ.

На Ваши требования считаем необходимым ответить следующее:

1. Обещаем строго соблюдать изложенное в декларации ген. - лейт. **Сирамидзу**.
2. Неприемлем, на основании п. 1-го декларации о соблюдении японской армией нейтралитета и международных законов экстерриториальности.
3. Неприемлем, на основании того же пункта декларации и на основании того, что наша армия является частью Советской Рабоче-Крестьянской, т.-е. Армией Центрального Российского Советского Правительства, стремящегося восстановить порядок. Японская армия, заинтересованная соблюдением внутреннего порядка, не должна иметь ничего против входа в город правительственных войск ради того только, чтобы были сохранены порядок и неприкосновенность имущества и населения, непротивящегося Советской власти.
4. В отношении п. 4 заявляем, что мы всегда соблюдаем международные законы, если таковые не нарушаются противной стороной.
5. а) Для удовлетворения нужд населения вообще почтово-телеграфное сообщение существует по всей территории России и Сибири.
б) Требование японского командования о передаче радио является нарушением первой части п. 1-го декларации.
6. По водворении порядка, на основании существующих международных законов, пострадавшее население должно быть вознаграждено.
- 7 и 8. Русско-японское командование нами предупреждалось чрез посланного парламентаря **Орлова**, который был вопреки международных законов расстрелян.
9. Власть советов создана. Порядок вступления в город красных войск будет зависеть от результатов переговоров.

10, 11, 12 и 13. Ответом на эти пункты могут служить декреты Народных Комиссаров Советской России.

14. Ответ зависит от результатов дальнейших переговоров.

П.п. Командующий Красной армией николаевского фронта **Я. Тряпицын**.
Начальник штаба **Т. Наумов**. Представители Красной армии: **Бич, Дед и Черный**.
26/II—20 г.

С подлинным верно: секретарь штаба **Черный**.

С копией верно: секретарь мининдела (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6.

К о п и я

У С Л О В И Я

заклучения мира, предлагаемые японскому командованию представителями Красной армии николаевского фронта.

От имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики предлагаем к исполнению следующее:

1. Безуклонное выполнение японским командованием декларации ген.-лейт. **Сирамидзу**.

2. Полное разоружение белогвардейского отряда гор. Николаевска и выдача всего вооружения и снаряжения его. (Место выдачи оружия нами может быть указано дополнительно).

3. Все посты, до нашего входа в город и замены их нашими войсками, должны занимать японцы.

4. По выполнении изложенного выше японские войска обязаны сдать все караулы нашим войсковым частям и занять указанные помещения (вопрос о помещениях может быть разрешен японским и нашим командованием совместно и особо).

27/II—20 г.

Ком. Красной армии николаевского фронта **Я. Тряпицын**. Начштаба **Т. Наумов**. Члены делегации: **Д. Бич, Дед-Пономарев**. Секретарь **Черный**.

С копией верно:
секретарь **Черный**.

С подлинным верно:
секретарь мининдела (подпись).

Примечание: Эти условия японцами были приняты и вошли в договор без изменения. Договор был подписан в трех экземплярах всеми участниками конференции.

Бужин.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7.

Копия копии.

ДОГОВОР

о мире, заключенный делегациями Красной армии николаевского округа, с одной стороны, и японского командования экспедиционного отряда в гор. Николаевске — с другой.

1920 года 28-го февраля. Мы, нижеподписавшиеся, представители упомянутых выше делегаций заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Безусловное выполнение японским командованием в гор. Николаевске декларации ген.-лейтенанта **Сирамидзу**.

2. Полное разоружение белогвардейского отряда гор. Николаевска и выдача всего вооружения и снаряжения его Красной армии. (Место передачи оружия может быть указано командованием Красной армии дополнительно).

3. Все посты, до входа в город отряда Красной армии и замены их красноармейскими караулами, должны занимать японскими войсками.

4. По выполнении изложенного выше, японские экспедиционные войска обязаны сдать все караулы войскам Красной армии и занять помещения, указанные красным командованием.

5. Вопрос о помещениях для японских войск должен быть разрешен особо и совместно русским и японским командованиями.

Настоящий договор о мире и дружбе японцев и русских в гор. Николаевске подписывается военными делегатами в трех экземплярах и таковой входит в силу 29 февраля 1920 г., являясь обязательным к точному выполнению обеими сторонами впредь до возможных переговоров между центральными правительствами России и Японии.

Первый представитель делегации японского командования поручик **Цунамото**. Поручик **Кавamoto**. (Печать).

Переводчики: 1. **Накamura**. 2. **Кавamura**.

Представители Красной армии николаевского округа: командующий Красной армией **Я. Тряпицын**, **Наумов**, **Д. Бич**, **Дед-Пономарев**. Секретарь **А. Покровский-Черный**.

Верно:

секретарь штаба Красной армии (подпись).

Копия копии верна:

секретарь мининдела (подпись).

Примечание: Форма договора (заголовок) страдает некоторой неточностью, но пункты договора, т.-е. суть его содержания, изложены точно.

Д. Бузин-Бич.

ДОКЛАД МАРИИНСКОМУ ШТАБУ.

23-го апреля вошел в бухту японский броненосец «Ихимо», сделал высадку на маяк около ста человек, в Де-Кастри пришел отряд в числе 60 чел. При них было 4 офицера и 3 переводчика. Я спросил, какая цель прихода в Де-Кастри? «Мы идем по всему побережью по восстановлению порядка у русских. Невооруженных не трогаем, а кто выступает против нас с оружием, то мы с теми тоже ведем вооруженную борьбу, но тем не менее желаем общего мира. И просим передать в Мариинск, чтобы мирное население не беспокоилось». Вечером все японцы ушли на пароход. Никого в Де-Кастри не осталось, в 3 часа почти слышно было 3 орудийных выстрела. 24 апреля, утром, опять явился отряд около ста человек и 200 чел. матросов, все с ружьями. Офицеры японские вошли в отделение и сейчас же сняли ключ с аппарата. «Мы вам скоро возвратим, это наша военная тактика». 26—27 японцы находились в Де-Кастри, заняли помещение в отделении и уже не давали мне работать на аппарате, выпускали ленту и сами читали. 27 апреля начали возить с парохода провизию и складывать у отделения,—я спросил переводчика, что вы долго хотите в Де-Кастри жить? Он сказал: «Да, мы высадим здесь много войска, а завтра придет крейсер и придет все, что нам нужно». Были расставлены часовые и дозор.

28 апреля все еще возили провизию, командир ушел на судно. Оставшиеся офицеры и переводчики приспособили к телефону две трубки и заставили меня говорить с вами. Когда со мной говорил тов. Лапта и называл свою фамилию, то японцы спросили меня: «Кто такой Лапта?» Я сказал, что это командир полка. Очень храбрый человек, прибыл из Николаевска. Тогда они спрашивают: «А как он прибыл?» Я сказал, что на собаках. При том спрашивали, много ли могут выставить нарт для перевозки войск? Я сказал, что не менее 500 нарт, и на каждой нарте могут ехать не менее 5 человек. Затем часа в 4 вечера с судна пришел командир пехоты, и заметно было, что он был расстроенный, и все офицеры сделались печальными. Началась суета и укладка продуктов, всю ночь собирались. В этот день японцы начали своевольничать, толкать моих детей и ругать: «русский собака, дурак». Я выступил против этого с протестом, но японцы на меня закричали и солдаты повскакивали с ружьями, а переводчик сказал, что вы не вмешивайтесь в наши военные действия; пришлось замолчать.

В 6 часов утра разбудил меня переводчик, потребовал открыть шкаф, где хранились телефонные трубки, забрал трубки и снял аппарат. Я спросил: «Куда это вы все забираете?»—ответил, что это наше дело. Когда же я обратил внимание на гальваноскоп, то заметил прекращение тока. Переводчик сказал, что мы идем на маяк производить там разгрузку и устанавливать батарею, принадлежности телефонов и аппарата возвратим, и сейчас же все ушли на судно, между прочим предупредив: чтобы по кизинской дороге из Де-Кастри никто не выходил. После ухода японцев я вышел из отделения на мыс и все время наблюдал за отходом броненосца, который вышел из бухты, пошел по направлению к Лазареву, пройдя вдоль берега верст 20, повернул по курсу на Сахалин, и с того времени никаких японских судов не появлялось, кроме

шкун. 29 апреля в 5 час. утра на горизонте было замечено еще одно судно, которое шло по направлению к Лазареву. 1 мая пришел пароход добровольного флота, и этого же числа ушел из Де-Кастри в Дату.

Завотд. Бармин.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9.

Тов. Л А П Т Е.

— Я Де-Кастри, у меня японцы сняли ключ, взяли все телефонные трубки.
— А где японцы?
— Делают где-то высадку, черт их знает, нам приказали не выходить, я работаю землю и проводом.

— Ага, хорошо, а где пленные, которые были на маяке?
— Да они ушли. Неужели не пришли до сих пор?
— Да, они не пришли.
— Странно, их японцы не захватили разве, ушли на Софийск?
— Судов больше нет. Одно прошло мимо, к бухте Табо. Сейчас в отделении японцев нет. Но вечером будут опять в отделении.

— Ага, хорошо, вы обождите, с вами будет говорить тов. Лапта.
— Хорошо. Мне очень, трудно работать, я работаю проводом и землей.
— Мы вашу работу хорошо понимаем.
— Я Дкс. Я мри¹⁾, укажите, что судно вышло из Дкс и где оно теперь стоит, и какое количество осталось японцев у вас?

— Судно перешло, как видно, в море. Шло по направлению к бухте Табо. Сейчас у нас японцев нет, полагаю, что они в северной бухте, и сказали, что они на маяке будут устанавливать батарею, они у меня обрезали провода, сняли ключ, а также забрали все телефонные трубки, при чем на японском броненосце имеется три аэроплана, два броневики-автомобиля, вечером опять придут в Де-Кастри, хозяйничают форменным образом. Сказали, что Сахалин ими занят, и там стоят суда. Я повреждение исправил, но они придут, совсем унесут все, и вам будет передавать нельзя, вот я вам передал все, что знаю.

— Если будет возможно, то без аппарата проводом и землей все сведения передавайте нам подробно о всем. Мы за вашими вызовами зорко следим.

— Если они меня не устроят совсем, и если будет возможность работать, то я передам все, если они придут к нам и поставят ключ, то передать уже будет ничего нельзя, потому что у них есть телеграфисты, хорошо читают русскую работу по телеграфу, они меня заставляют говорить насильно, иногда придется и обругаться по адресу наших товарищей, но не обращайтесь внимания, если только скажешь в хорошую сторону по отношению товарищей, то они готовы разорвать, поэтому я уже и виду не подаю.

— Ага, хорошо, а вот не можете ли сказать, какая численность японцев, не скажете ли? В один день высаживалось пятьсот человек, а всего на броненосце матросов 800 человек, пехоты 800 человек, и сказали, что завтра из Сахалина придет крейсер, еще приезжает войско, и все лето в ДКС будет стоять, японская эскадра. Вы не знаете, какая цель выставить в ДКС или в другом месте? На этот предмет очень трудно сказать, проговорились, что на маяке поставят батарею, на Базальтовом острове тоже хотят ставить батарею, что ближе к

¹⁾ Дкс—Де-Кастри. Мри—Мариинск.

нашему берегу, а о цели прихода умалчивают, только говорят, что с ними вместе участвуют Англия, Франция и Италия,— вот все, что я от них слышал. За все спасибо, и постарайтесь по возможности сообщать, что там будут японцы предпринимать, будем надеяться на вас, как на товарища,— скажите, предполагают ли японцы в скором времени двигаться на Софийск или на Мариинск? Благодарю вас за новости, это приятно: выставить бы скорее проклятых макак; да, цель: они сказали, что мы пришли с целью восстановления порядка, так как у русских сильные беспорядки; еще проговорились, что в конце мая стар. стиля пойдут на Амур, отсюда на Мариинск, и на судах, на Николаевск, по подробностей не говорят, а наши товарищи семь человек, должно быть, живы: они ушли, я думал, что они в Мри. Если будет возможно, то передам все, что узнаю, но не ручаюсь за завтрашний день, что случится со мной. Все.

— Я, Де-Кастри. Передайте начальнику гарнизона, что я ходил на гору и смотрел в море. Японцев нигде не видно а также в окружности Де-Кастри тоже ничего незаметно и судов...

Минутку, я попрошу к аппарату тов. Лапту.

Сизилгон явился и заявил, что ему заявил Де-Кастри, — он выключает аппарат потому, что заметил, кто-то показывается с маяка.

— Я Де-Кастри, сейчас пришел служащий с маяка и заявил, что японских судов нигде не видать. Я, Мри, у аппарата тов. Лапта, — что Вы можете еще что пояснить, или же служащий скажет, в какую сторону они ушли? Как по вашему предположению, не пошел ли десант в Софийское просекою, не можете ли вы выяснить?

— Судно вчера, пройдя по направлению к Лазарево, повернуло к Сахалину и ушло туда, а десанта никакого не замечали; японцы сейчас в Софийске и в Мри не пойдут, — они боятся снега, но уходя из ДКС, сказали, что мы скоро придем. Я сейчас госылаю сына, чтобы прошел версты три по Кизинской дороге и расследовал кое-что, — когда вернется, я вам сообщу. Не скажете ли, сколько судов прошло, и почему вы предполагаете, что японец не пойдет на Софийск и Мариинск? Я же говорю, что сейчас следовать невозможно, вследствие глубокого снега: они же сами сказали, что пойдут на Мри в 20-х числах мая старого стиля; судов больше не замечалось, кроме двух, из которых одно прошло по направлению к Лазарево, а другое было у нас, и вчера заметили, что и оно ушло на Сахалин; просим вас, товарищ, пройдите до Кизинской дороги и выясните, нет ли там следов?

— Хорошо, пойдут двое: мой сын и Воропаев, вернутся— сообщу, что они найдут, а пока— до-свидания.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10.

ЗАПИСКА.

Мариинск, т. Лапте.

Богородское вышло:

богородских—сорок человек, с Луговой—шесть человек, пять человек богородских находится на охоте, им гослан нарочный, если они не вернутся в Богородское, то пойдут на Мариинск, а из расположенных по Амуру выше Богородского селений сведений не имеем.

Телегрф. Силуянов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11.

Копия с отпуска.

Р.С.Ф.С.Р. Штаб николаевского фронта Красной армии. № 136.
27 января 1920 г. Д. армия.

М А Н Д А Т.

Пред'явитель сего, тов Г. Орлов командируется штабом Красных войск в г. Николаевск в качестве парламентаря к японскому и русскому белому командованию, для вручения пакетов с предложением о перемирии и заключения договора о передаче г. Николаевска Красной армии.

И.п. Командующий николаевским фронтом **Я. Тряпицын.**

За начальника штаба **Д. Бузин.** Секретарь **А. Псковский.**

Верно: **Д. Бузин.**

С копией верно:

секретарь мининдела (подпись).